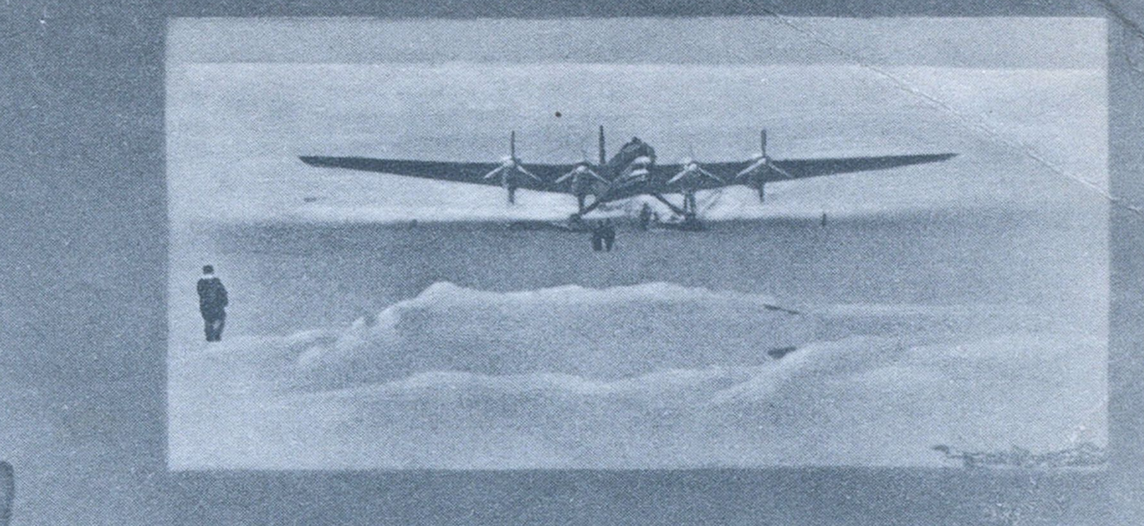
ОГОНЕК
14







На ледовом аэродроме Черевичного см. на обороте

КАЛЕНДАРЬ ОГОНЬКА

МАЙ

18 мая 1896 года



В Москве во время торжеств в честь коронации последнего царя, Николая II, произошла катастрофа, известная под именем «Ходынки». Преступно-небрежно организованное народное гулянье на Ходынском поле стоило жизни двум тысячам человек, затоптанным в давке во время раздачи грошовых подарков и угощения. Количество раненых исчислялось десятками тысяч. Ходынская катастрофа вошла в историю русского самодержавия как первая страница кровавого царствования Николая II.

23 мая 1906 года



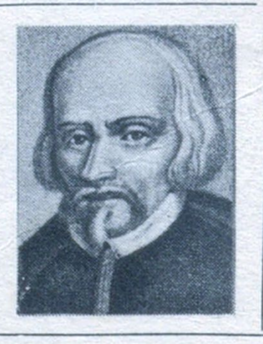
Умер знаменитый норвежский драматург Генрик Ибсен. На русской сцене в первый раз Ибсен появился в 1883 году,— была поставлена «Нора». В годы, предшествовавшие революции 1905 года, особенным успехом пользовалась пьеса «Доктор Штокман», поставленная в Московском Художественном театре. Эта драма воспринималась либеральной интеллигенцией и студенчеством как призыв к революции. В течение тридцати пяти лет, прошедших со дня смерти драматурга, его пьесы не сходят с русской сцены.

25 мая 1911 года



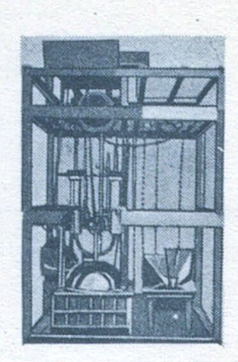
Умер В. О. Ключевский — крупный русский историк, автор «Происхождения крепостного права», «Боярской думы», «Курса русской истории» и многих других произведений. Его работы представляют большой интерес ввиду обилия собранного в них фактического материала. В частности это относится к его работам, посвященным происхождению самодержавия, Боярской думе, земским соборам, положению крестьянства.

25 мая 1681 года



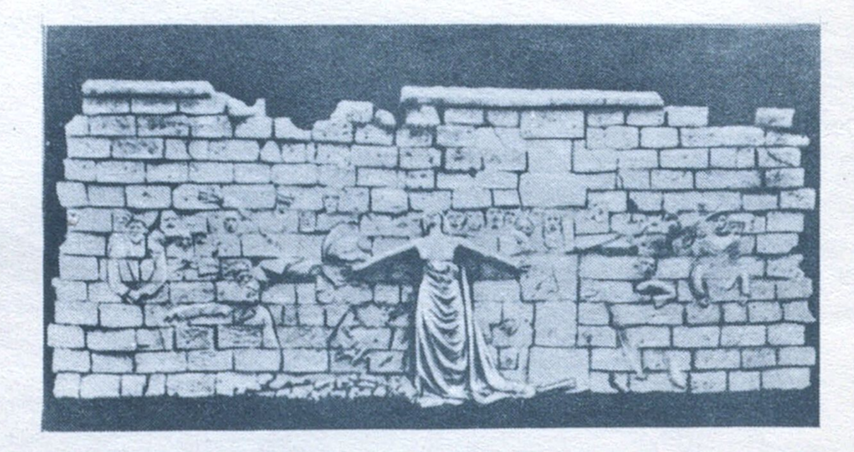
Умер Педро Кальдерон де ла Барка, знаменитый испанский драматург и поэт, создавший около 110 пьес и 70 духовных представлений (аутос), автор подлинно народных драм; такова его драма «Соломейский алькальд», которая по праву стоит рядом с гениальным созданием Лопе де Вега «Овечий источник». Кальдерон является также мастером легкой и живой комедии-интриги, как например «Дама-невидимка».

27 мая 1766 года



В нужде и безвестности умер первый русский теплотехник Иван Иванович Ползунов, сконструировавший паровую машину раньше всемирно-известного Уатта. Впервые в истории техники Ползунов решил приспособить паровую машину для обслуживания металлургического завода. «Огнедействующий двигатель», выдержав испытания, был пущен для работы воздуходувной установки на Колывано-Воскресенском горном заводе (Алтай). Испорченная неумелым вмешательством, машина Ползунова была выведена из строя и забыта. На снимке: модель паровой машины Ползунова.

28 мая 1871 года

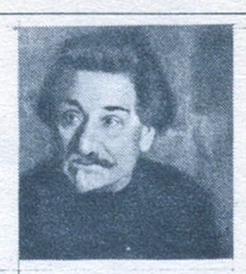


На кладбище Пер-Ляшез в Париже были расстреляны версальцами последние доблестные защитники Парижской коммуны. Подавление Коммуны сопровождалось диким разгулом белого террора: тридцать тысяч убитых версальскими палачами, пятьдесят тысяч арестованных, сосланных на каторгу. На снимке: Стена коммунаров на кладбище Пер-Ляшез.

28 мая 1916 года

Умер выдающийся украинский писатель Иван Франко (см. в тексте).

30 мая 1866 года



Родился народный поэт Армении Акоп Акопян. Ему принадлежат два сборника стихов и пользующаяся особой известностью поэма «Новое утро». Акопу Акопяну присвоено звание народного поэта Армении и Грузии. Умер он в ноябре 1937 года на семьдесят первом году своей жизни.

30 мая 1431 года



В Руане, по приговору духовного суда, была сожжена Жанна Д'Арк. Окруженная легендами, героиня Столетней войны между Англией и Францией обвинялась в «лжепророчествах» и других «преступлениях» против церкви. Образ Жанны Д'Арк в течение пятисот десяти лет, прошедших со дня ее казни, вдохновлял многих поэтов, писателей, драматургов, композиторов. Всем известны пародийно-сатирическая эпопея «Орлеанская девственница» Вольтера, романтическая драма Шиллера «Орлеанская дева» и опера Чайковского «Орлеанская дева».

В Москву вернулись участники высокоширотной экспедиции на самолете „СССР Н-169", пилотируемом летчиком-орденоносцем И. И. Черевичным. С 3 по 28 апреля экспедиция совершила три глубоких рейда на север, трижды высаживалась на дрейфующие льдины в районе полюса недоступности и пролетела над льдами Арктики 22 тысячи километров. На нашей обложке помещены два фото, сделанные командиром самолета И. И. Черевичным, показывающие лагерь и аэродром экспедиции на льдине; вверху — самолет „СССР Н-169" перед отлетом с острова Врангеля. В кругу — И. И. Черевичный.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

19-й ГОД ИЗДАНИЯ

ОГОНЕК

Выходит 3 раза в месяц.

№ 14 (737)

Четверг, 15 мая 1941 года.

В НОМЕРЕ:

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ:

Александр Дейч. — Выдающийся писатель Украины. *А. Дерман.* — В гостях у А. Ф. Онегина.

ПРОЗА:

Илья Эренбург. — Накануне (отрывок из 3-й части романа «Падение Парижа»). *Л. Овалов.* — Голубой ангел (новая повесть, продолжение). Рис. *Л. Бродаты. Е. Габрилович.* — Утро и вечер. Рис. *С. Расторгуева.*

СТИХИ:

Иван Франко. — Три стихотворения.

ВОЙНА:

И. Ермашев. — Дневник войны. Схемы коммуникаций морских и воздушных баз в Атлантике. Фото. *Л. В.* — Гибралтар в ожидании.

ФОТОРЕПОРТАЖ:

Люди и события. ◇ На фронтах второй мировой войны.

ХОРОШО ЛИ ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

А. Браилов и *Е. Игнатович.* — Реклама и действительность. ◇ Браво, тов. Шелагуров!

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВИНКИ:

Заметки: *И. Лежнева, М. Эссен.*

ИСКУССТВО:

Заметки: *Вл. Блока, Сивера, Зои Гайдай, О. Абольник, Б. Гендель, Ю. Говорова.*

ЮМОР:

В. Сухаревич. — До следующего свидания. ◇ Рассказы о Ходже Насреддине. ◇ Иностранный юмор.

ЗА РУБЕЖОМ ★ В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ ★ СДЕЛАЙТЕ ЭТО САМИ ★ ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА ★ СЕГОДНЯ ВТОРНИК ИЛИ ЧЕТВЕРГ? ★ ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ... ★ НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ ★ ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ ★ ШАХМАТЫ ★ КРОССВОРД.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР товарищ Иосиф Виссарионович Сталин.

Фото И. Шагина.

Хорошо ли вас

Реклама и действительность

Репортаж А. Бранлова и Е. Игнатович



Вагон-ресторан, как он выглядит на рекламном фото.

Реклама, как известно,— двигатель торговли. Пожалуй, ни в одной отрасли торговли и общественного питания реклама не применяется так широко, как в вагон-ресторанах. «Пользуйтесь услугами вагон-ресторана»,— взывают плакаты, развешанные по стенам вокзалов. «Питайтесь в пути в вагон-ресторане», — приглашает веселый, упитанный повар на обложке меню. «Большой выбор блюд, приготовленных из свежих, доброкачественных продуктов»,—обещает изящная девушка на рекламной фотографии.

В действительности дело обстоит несколько иначе. Мы считали весьма важным выяснить, почему в данном случае реклама расходится с жизнью, С этой целью мы и отправились в Наркомторг. Руководитель одного из крупнейших объединений, ведающих обслуживанием пассажиров железных дорог,— Главдорбуфет Юга — Захар Александрович Волков принял нас очень любезно и охотно поделился сведениями о работе своего мощного учреждения.



— Кофе есть? — Нету.— Какао?? — Не держим.— Молоко??? — Скисло.— Чай????—Не советую. Кирпичный, мутный. Прикажете сто граммов водки или пива пару бутылочек?



И настоящий вагон-ресторан. Нет ни салфеток, ни цветов, ни ваз с фруктами. Скатерти грязные. Сервировка скудная.

По его мнению, обслуживание пассажиров на транспорте поставлено хорошо. 22 вагон-ресторана курсируют ежедневно по четырем направлениям. 173 головных буфета с бесчисленными филиалами могут удовлетворить самые изысканные требования любого гастронома. 208 подведомственных З. А. Волкову тележек развозят по перронам вокзалов горячие обеды. 2380 лотошников разносят по вагонам все, чего только может пожелать пассажир.

Главдорбуфет Юга в целях всемерного улучшения обслуживания своих клиентов завел обширные подсобные хозяйства: свинарники, молочные фермы, птичники,— имеет даже собственные рыбные ловли на Черном, Азовском и Каспийском морях.

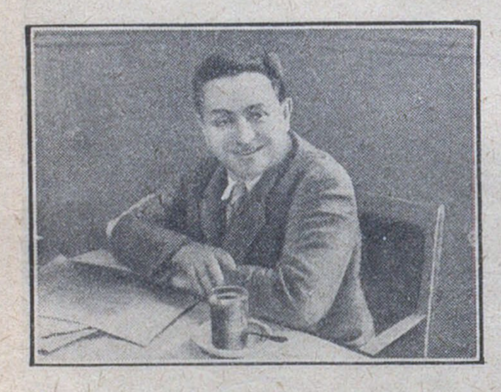
Продукты, подаваемые в вагон-ресторане, должны быть всегда вкусными и свежими, для этого директорам их дано право покупать мясо, зелень, молоко, фрукты по рыночным ценам на любой станции. Во всех вагон-ресторанах поездов, следующих в Крым и на Кавказ, введено специальное диэтическое питание по индивидуальным заказам.

Беседа оказалась наредкость увлекательной и интересной. И только некоторый осадок горечи в наших сердцах оставил категорический отказ Захара Александровича сфотографироваться. Он заявил, что если уж кого снимать, то не его (он только зам!), а самого руководителя главка Ивана Ильича Панкратьева. Но поскольку беседу мы вели с З. А. Волковым, мы его и сняли во время дальнейшего разговора. Лицо получилось у него скучное, без традиционной улыбки, за что извиняемся перед читателями.

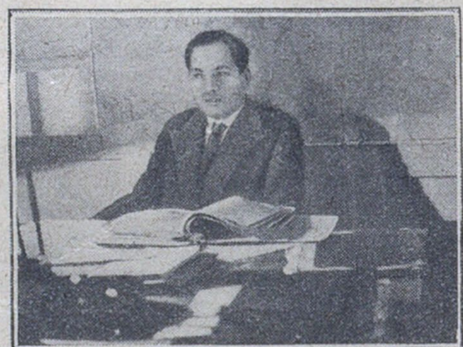
Из главка мы отправились во Всесоюзную контору вагон-ресторанов направления Москва—Тбилиси и Москва—Сочи. Директор конторы Ефим Соломонович Литвак оказался таким же оптимистом, как и Захар Александрович Волков. Он глубоко убежден, что в подведомственных ему вагон-ресторанах все обстоит отлично. Разнообразное меню составляется три—четыре раза в день. Столы покрыты белоснежными крахмальными скатертями, уставлены вазами с фруктами и цветами. Салфетки накрахмалены. Ароматный, вкусный чай имеется в ресторане в течение всего дня. Кофе и какао изящно одетые, любезно улыбающиеся официантки разносят по вагонам.

На самом деле всего этого нет и в помине. В любом вагон-ресторане грязно или, в лучшем случае, грязновато. Вентилятор работает скверно, воздух насыщен кухонным чадом и клубами табачного дыма. Мощные батареи пивных бутылок занимают бо́льшую часть поверхности каждого столика, так что для тарелок совсем не остается места. Скатерти бывают относительно чистыми в течение двух—трех первых часов пути. Потом они покрываются пятнами самых разнообразных цветов и размеров и в таком состоянии пребывают до конечной станции маршрута.

Официантки в вагон-ресторанах ненарядные, неприветливые



Ефим Соломонович Литвак, директор конторы вагон-ресторанов направления Москва — Сочи и Москва — Тбилиси. Один из виновников плохого обслуживания пассажиров. Работает скверно, но сам своей деятельностью доволен.



Захар Александрович Волков, один из руководителей Главдорбуфета Юга, ежедневно снабжающего пассажиров поездов тысячами невкусных обедов, десятками тысяч черствых булок, пирожков и бутербродов.

обслуживают?

и не особенно чистые. Повара готовят однообразно и невкусно. Пассажиры глотают их стряпню с плохо скрытым отвращением и только потому, что иного выхода все равно нет.

Всей этой бригадой, работающей без вкуса, без интереса, без желания, руководит доверенное лицо Главдорбуфета Юга и ее контор — директор вагон-ресторана. Директор важен и недоступен. Он редко снисходит к разбору жалоб и претензий пассажиров. Он так же хорошо, как и его высокие начальники, знает, насколько реклама далека от действительности, но исправлять что-либо или изменять считает излишним.

Вот реальная, не выдуманная, сфотографированная (отнюдь не для рекламы) бригада вагон-ресторана, курсирующего по линии Москва—Сочи: директор Петр Дмитриевич Горячев (улыбается), работает на транспорте с 1918 года, в вагон-ресторанах — с 1933 года. Старший повар Алексей Иванович Либонидзе (с усами), работает в вагон-ресторанах около пяти лет. Старший официант Петр Иванович Диев (стоит), работает в вагон-ресторанах около трех лет.

Все эти товарищи с почтенным стажем, достаточными знаниями и уменьем составляют отнюдь не худшую бригаду, обслуживающую вагон-рестораны. В Народном комиссариате путей сообщения утверждают, что вагон-рестораны сочинского направления обслуживаются намного лучше остальных. И все-таки работают тт. Горячев, Либонидзе и Диев наредкость скверно.

Мы проехали с ними от начала до конца маршрута, и вот как эта бригада обслуживала пассажиров.

Кофе не было ни по дороге туда, ни на обратном пути. Какао было один раз, но потом молоко, захваченное из Москвы, прокисло, и уже ввиде простокваши его разносили по вагонам в большом чайнике. Суповой ложкой черпали простоквашу и разливали в стаканы прямо на полу.

Чай был. Но какой! Мутный, чуть тепловатый, с черным осадком в палец толщиною на дне стакана, и независимо от того, хотите вы пить его сладким или нет, в чай всегда кладут сахар по вкусу буфетчика.

Хлеб бригада захватила с собою на всю дорогу: туда и обратно. В первый день он был просто черствым, в последний — напоминал акуратно напиленные кусочки фанеры.

Пирожные тоже захватили. Но неизвестно, попали ли они в вагон-ресторан непосредственно с базы или были приняты ею по акту от предыдущей бригады в качестве остатка неиспорченной продукции. По виду и вкусу эти многострадальные кондитерские изделия больше всего напоминают небольших окаменелых морских ежей.

Салфеток, обещанных рекламой и тт. Волковым, Литваком и Шегалом, не было; диэтического питания не было. В изобилии были только винно-водочные изделия. Ими торговали рестораны, станционные буфеты и киоски, их разносили по вагонам лотошники. Из трамвая, автобуса, метро пьяных немедленно высаживают, а в поездах их нежно любят и всячески заботятся о том, чтобы поддержать их приятное душевное состояние от самого начала до конца пути.

Так непохожа вагонно-ресторанная действительность на пышную, широковещательную рекламу. А между тем хотелось бы, чтобы все было совсем иначе и даже не так, как на рекламных плакатах и в рекламных высказываниях нерадивых руководителей общественного питания на транспорте, а гораздо лучше. Хотелось бы, чтобы в вагон-ресторане было чисто; чтобы перегородка разделяла его на две половины: для курящих и пьющих преимущественно спиртное и для обедающих без оного и пьющих чай, молоко, кофе, какао, кефир. Чтобы все эти простые, питательные и вкусные вещи постоянно были в меню и подавались на стол культурно: чай свежезаваренным, крепким — по желанию заказчика, сахар лежал бы на отдельном блюдечке, молоко подавалось к кофе или к чаю в отдельном молочнике. Булки и пирожки должны быть вкусными и румяными, хлеб — мягким, горячие блюда — горячими, холодные — холодными, приятными на вид и на вкус.

Хотелось бы, чтобы из третьесортной пивнушки, случайно поставленной на колеса, вагон-ресторан превратился бы в образцовое предприятие общественного питания, отлично обслуживающее важнейший участок народного хозяйства — транспорт.



Бригада вагон-ресторана поезда № 21 Москва — Сочи. Директор Петр Дмитриевич Горячев (улыбается), старший повар Алексей Иванович Либонидзе (с усами), старший официант Петр Иванович Диев (стоит). Считается одной из лучших бригад этого направления. Обслуживает пассажиров плохо и даже не представляет себе, что можно делать иначе, со вкусом, знанием и вниманием.

Браво, тов. Шелагуров!



Обычно железнодорожные билеты продают на станции. Если агент приходит принять заказ в санаторий, дом отдыха, в гостиницу, процедура значительно удлиняется. Сначала записывают имя, отчество, фамилию, день отъезда, станцию назначения. Билет приносят через несколько дней, причем какое будет место: верхнее или нижнее, в каком вагоне,—заранее не известно, часто происходит путаница.

Начальник городской железнодорожной станции Сочи, обслуживающий один из крупнейших курортов Союза, П. В. Шелагуров, значительно упростил продажу билетов при помощи несложных организационных мер. Он приобрел несколько легких компостеров, привинчивающихся к любому столу, и снабдил ими кассиров своей станции. Кассир приходит в тот или иной санаторий в определенные дни и продает билеты на месте. Труд кассира сократился вдвое. Клиенты станции затрачивают на всю процедуру вдвое меньше времени.

На фото: кассир В. А. Антонова продает билеты в сочинском санатории «Красная Москва». Сидит отдыхающий А. А. Дедов, стоят (справа): начальник станции П. В. Шелагуров, слева — отдыхающий Н. Я. Короленко.

Фото Е. Игнатович

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ



380 ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ БЕЗ РЕМОНТА прошел тепловоз № 34 (Ашхабадская железная дорога) бригады старшего машиниста В. И. Горожанкина (справа).



ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕ АКАДЕМИКА А. А. БОГОМОЛЬЦА. В мае исполняется 60 лет со дня рождения лауреата Сталинской премии президента Академии наук УССР А. А. Богомольца. Крупнейший представитель советской экспериментальной патологической физиологии, А. А. Богомолец много работает над вопросами, связанными с возможностью продления человеческой жизни.



НАГРАЖДЕННЫЕ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ СССР (слева направо): военврач Ф. Я. Кузнецова, врач Е. Н. Кругликова, работницы В. А. Рудюк и Т. М. Цинцадзе.



МОЛОДОЙ АРТИСТ. Пионер Абдульбобо Мирзошоев, участник декады таджикского искусства в Москве, награжденный медалью «За трудовое отличие».



КОЛЛЕКТИВ ДОМНЫ № 3 МАГНИТОГОРСКОГО ЗАВОДА им. СТАЛИНА вышел победителем в соревновании доменных печей за 1 квартал 1941 года; ему вручено переходящее знамя «Правды». На снимке: стахановцы домны № 3 (слева направо)—газовщик Н. М. Барьянов, мастер А. Л. Шатилин и горновой Г. В. Филюлин.



НАГРАЖДЕНИЕ АКАДЕМИКА А. В. ПАЛЛАДИНА. Заслуженный деятель науки вице-президент Академии наук УССР А. В. Палладин награжден орденом Трудового красного знамени.



СТАНОК ИНЖЕНЕРА КАРМАНОВА. Инженер Г. Б. Карманов сконструировал станок, свивающий стальные прутья для железобетонных конструкций. Станок дает возможность сократить расход металла.



СЪЕЗД КОМПОЗИТОРОВ УКРАИНЫ. В Киеве состоялся второй съезд Союза советских композиторов Украины. На снимке: группа участников съезда (слева направо): первый ряд — В. А. Барвинский (Львов), А. М. Солтис (Львов), Л. Н. Ревуцкий (Киев); второй ряд — С. Ф. Людкевич (Львов), У. А. Виленский (Киев), М. А. Гозенпуд (Киев), К. Ф. Данькевич (Одесса), Б. Н. Лятошинский (Киев).



В МОСКВУ ПРИБЫЛ НОВЫЙ ПОСОЛ ФРАНЦИИ г-н Г. БЕРЖЕРИ. На снимке (слева направо): г-н Г. Бержери, зав. Протокольным отделом НКИД тов. В. Барков и бывший французский посол г-н Э. Лабонн.



ГОЛУБОЙ АНГЕЛ

(Из рассказов майора Пронина)

Повесть Л. Овалова

Иллюстрации Л. Бродаты

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Герой повести — Иван Николаевич Пронин, работник Народного комиссариата государственной безопасности.

Автор встречается с Прониным на квартире последнего. Пронин только что перенес воспаление легких. Он просит своего помощника Виктора Железнова завести патефон. Прослушав блюз «Голубой ангел», Пронин разрешает Железнову рассказать историю этой пластинки...

Инженер Зайцев с помощью инженера Сливинского сконструировал бесшумный авиационный мотор. Учитывая важность изобретения, инженеры вели работу втайне. По вызову Евлахова, начальника одного из управлений, ведающих оборонной промышленностью, они выехали с чертежами в Москву.

По приезде Зайцев прямо с вокзала проехал в Управление, а Сливинский с чемоданом, где находились чертежи, отправился в гостиницу. Спустя час приехали в гостиницу Зайцев и Евлахов, но Сливинского не нашли...

Евлахов немедленно сообщил об исчезновении Сливинского Пронину, и тот, будучи больным, направил в гостиницу своего помощника Железнова.

Тем временем в гостинице произошло странное преступление. На четвертом этаже застрял лифт, в кабине которого был обнаружен труп лифтера Гущина, убитого ударом кастета по голове.

Пронин поручает Железнову не покидать гостиницу.

4. НОЧНЫЕ НАХОДКИ

С интересом наблюдал Виктор за течением ночи в большой московской гостинице. Жизнь не затихала ни на мгновенье. С вокзалов приезжали какие-то люди, возвращались домой жильцы, уходили от постояльцев гости, официанты носили из ресторана в номера кушанья, телефон на конторке звонил не умолкая, и казалось, что портье разговаривает со всем миром. Виктор присматривался к публике, прислушивался к разговорам, от нечего делать бродил по коридорам, заглядывал в ресторан и отдыхал на диване в холле.

Часам к пяти утра все затихло. Швейцар, наконец, задремал, портье отодвинул от себя телефон, в холле погасили люстру, и Виктор вдруг почувствовал усталость от всего этого гостиничного сумбура. Но уже в шестом часу появились уборщицы и полотеры и началась чистка помещения, вытряхиванье ковров, натирка полов и мойка окон.

Вскоре после уборки к портье принесли чемодан, и Виктор резонно решил, что это и есть одна из тех находок, которые предвещал Пронин. Уборщица нашла чемодан в одной из уборных. Уборная была заперта, но слишком уж долго никто из нее не выходил. Уборщица постучалась — никто не отозвался. Тогда она позвала слесаря, и слесарь отвернул защелкнутую задвижку. В уборной было пусто, лишь у стены стоял закрытый недорогой чемодан.

Виктор сообщил о находке Пронину, тот велел разбудить Зайцева и показать чемодан инженеру.

Действительно, это оказался тот самый чемодан, с которым Сливинский поехал в гостиницу. Зайцев нетерпеливо его открыл и принялся в нем рыться. Он испуганно выбросил все белье, все туалетные принадлежности, но папки с чертежами в чемодане не оказалось.

В той же уборной, в корзине для мусора, Виктор нашел и папку. Чертежей, конечно, в ней не было.

Тогда Зайцев принялся твердить о том, что со Сливинским случилось несчастье...

Всем учреждениям, которые могли способствовать розыскам исчезнувшего человека, дано было распоряжение взяться за поиски Сливинского, а часом позже полотер Хрусталев в гостиной четвертого этажа нашел за диваном труп Сливинского. Затылок Сливинского тоже был раздроблен кастетом, и убит он был, по заключению врачей, в одно время с Гущиным.

Пронин запретил сообщать Зайцеву о смерти Сливинского. Он щадил молодого инженера: горе могло помешать его работе.

Время должно было помочь свыкнуться с мыслью о потере.

Убийца не оставил никаких следов, все было неясно и загадочно, и лишь исчезновение чертежей позволяло предполагать о цели совершенного преступления.

Пронин отдавал себе отчет в том, как трудно будет раскрыть это неясное и хорошо подготовленное преступление. Нелегко было ему сдерживать и нетерпение Евлахова, торопившего с розысками и преувеличивавшего простоту задачи.

— Ну-с, кто оказался прав? — тревожно и вместе с тем даже с задором спросил Евлахов, приехав утром к Пронину и садясь возле его постели. — Я сразу по-

Папки с чертежами в чемодане не оказалось.

Продолжение. См. «Огонек» № 13.

чувствовал, что все происходит неспроста!

— Хотите, возьму вас к себе в помощники? — усмехнулся Пронин. — Я в предчувствия верю слабо.

Евлахов укоризненно покачал головой.

— Просто вы слишком привыкли к таким делам, — упрекнул он Пронина, рассматривая вытканные на ковре узоры.

— Что же вы теперь думаете делать? — спросил он после минутного молчания.

— Спать не будем, — опять усмехнулся Пронин. — Железнов этим делом уже занимается, да и другие товарищи ему помогут.

— Но мне хотелось, чтобы ты сам занялся этим делом, — попросил Евлахов. — Слышишь, товарищ Пронин?

— Я, конечно, помогу, — ответил Пронин довольно-таки безучастно. — Ведь у меня грипп, температура...

— Курица — не птица, грипп — не болезнь! — рассердился Евлахов. — Я вот недавно получил важное задание, ни на какой грипп не посмотрел. Выпей коньяку с малиновым вареньем, все и пройдет. Дело-то ведь серьезное...

Он встал и прошелся вдоль комнаты.

— Я очень прошу, чтобы ты сам занялся этим делом, — сказал Евлахов, останавливаясь перед Прониным. — Надо проверить в гостинице всех жильцов, обыскать каждую комнату!

— Вы говорите наивные вещи, — мягко возразил Пронин. — Если даже чертежи спрятаны в гостинице, в чем я сильно сомневаюсь, то для того, чтобы найти в таком громадном помещении пачку бумажек, понадобится потратить несколько месяцев и заставить работать десятки опытных людей.

— Не может быть, чтобы среди многочисленных приезжих не оказалось подозрительных личностей, — продолжал кипятиться Евлахов. — Проверьте документы!

— Вы не улавливаете особенностей этого преступления, — кротко объяснил Пронин. — Это ведь не обычное уголовное дело. Преступления против собственности совершают большей частью профессионалы-рецидивисты. Обнаружив убийство с целью ограбления или кражу со взломом, почти всегда поиски можно направить по определенным каналам. Политическое преступление, направленное не против отдельных личностей, а против целой страны, целого народа, раскрыть гораздо труднее. Шпионы и диверсанты редко действуют по стандарту. Они остроумней и находчивей и, по возможности, не станут пользоваться ни фальшивыми паспортами, ни отмычками взломщиков.

— Судя по твоим словам, получается, что агенты капиталистических разведок неуловимы? — мрачно спросил Евлахов.

— Нет, зачем же! — возразил Пронин. — Они талантливы, но и мы не лыком шиты. Кроме того у нас есть еще одно преимущество. Они хорошо служат своим хозяевам, но хозяева-то их малочисленны. Народ, против которого они борются, превосходит их и численно и морально, а следовательно, и людей, которых народ посылает бороться против своих врагов, и числом побольше, и сердца у них погорячее.

— Это я понимаю, конечно, — согласился Евлахов. — Но что нам делать в данном конкретном случае?

— Искать, — ответил Пронин с улыбкой.

— Но как, как? — опять нетерпеливо воскликнул Евлахов.

— Так же спокойно, как уверенный в себе школьник решает заданную ему задачу, — сказал Пронин. — Вместо того чтобы запутаться среди сотен людей, прежде всего мы должны выяснить, кому было известно об изобретении. Зайцеву, Сливинскому, вам... Кому еще?

Они перебрали всех людей, которые были причастны к вызову Зайцева в Москву.

Сам Зайцев решительно заявил, что на заводе об изобретении знали только он да Сливинский. Оба инженера были еще не женаты, дома им делиться своими заботами было не с кем, да и на работе они были достаточно осторожны, превосходно учитывая важность изобретения.

Инженеры выехали в Москву по вызову Управления. О непосредственной цели их поездки на заводе никому ничего не было известно. Опасаясь каких-либо случайностей, приятели нарочно купили на железнодорожной станции билеты в спальный вагон и всю дорогу ехали в двухместном купе, не заводя знакомств и поочереди обедая в вагоне-ресторане.

Письмо Зайцева было адресовано лично Евлахову. Евлахов сам его вскрыл и отдал на хранение начальнику секретной части Иванову. Во всем Управлении об изобретении Зайцева знали еще только заместитель Евлахова Белецкий да инженер Коган, которому предстояло дать первое заключение об изобретении. Коганом и была написана докладная записка на имя наркома, с краткой характеристикой изобретения и сообщением о вызове Зайцева. Содержание записки могло быть известно еще только Иванову и машинистке Основской.

Эти люди не вызывали подозрений. Все они помногу лет работали в Управлении, все были на хорошем счету, все неоднократно имели касательство к секретным делам.

В Белецком вообще не приходилось сомневаться. Крупный хозяйственник, сын шахтера и сам шахтер, он еще в годы гражданской войны в боях доказал свою преданность советской власти. Преданным работником был и Коган. Белецкого и Когана можно было оставить вне подозрений и потому еще, что они могли бы, при желании, похитить чертежи с меньшим риском и не так эффектно. Но даже к Белецкому Пронин поручил Виктору присмотреться ради очистки совести.

Как и следовало ожидать, проверка ни в отношении Белецкого, ни в отношении других ничего нового не дала.

Иванов жил с матерью и маленькой племянницей и занимался на заочных курсах иностранных языков; у Когана была только жена, нигде не работавшая, пустая женщина, тратившая деньги мужа на свои туалеты; муж Основской был фоторепортером и постоянно находился в разъездах, а сама она делила все свое время между службой и сыном. Это были обыкновенные люди, ничем не примечательные и никакими подозрительными знакомствами не обремененные.

Но кто-то должен же был проговориться о вызове Зайцева, и у Пронина не оставалось иного выхода, как подвергнуть этих людей незаметному испытанию.

5. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

На письменном столе в большом глиняном горшке, покрытом блестящей коричневой глазурью, стоял пышный букет сирени. Нет, это была не чахлая белая сирень из цветочного магазина, крупные и редкие цветы которой еле пахнут тонким сладковатым ароматом, с блеклыми, бледными листьями, осторожно срезанная садовником... Иван Николаевич не любил оранжерейных цветов. Это была простая садовая сирень с густыми лиловыми гроздьями бесчисленных мелких цветов, среди которых так часто попадаются пяти-шести- и семилепестковые звездочки — находка их сулит счастье, — наполняющая комнаты резким благоуханьем, простая и душистая сирень с темными, крепкими, глянцевыми листьями, безжалостно наломанная где-нибудь в палисаднике, отчего ее кусты будут цвести на следующий год еще обильней и ярче.

— Эге, да здесь настоящая идиллия! — воскликнул Виктор из-за двери, еще в прихожей почувствовав запах цветов. — Тут не делами заниматься, а Блока читать:

«Отрекись от любимых
творений,
От людей и общений в миру...»

Но Пронин лежал на тахте, по самый нос закутанный в синее ватное одеяло.

Виктор озабоченно на него взглянул и понизил голос:

— Худо, Иван Николаевич?

— Температура, знобит, — пробормотал Пронин из-под одеяла. — Но я тебя слушаю.

Если Пронин сам заговорил о своей температуре, — значит, ему всерьез было плохо.

— Врач еще не был? — обеспокоился Виктор.

— Был, был, — сердито пробормотал Пронин. — Не твоя это забота. Рабочий день начался, а ты не врач и любительскими делами будешь заниматься после службы. Нашел виноватого?

— Вы и вправду больны, — обиженно сказал Виктор. — Я ведь не маг, а это дело и впрямь загадочно.

— Я хочу твои соображения слышать, — сказал Пронин, поворачиваясь к Виктору. — На мою помощь надежда плоха. Придется, брат, самому узелки распутывать.

Виктор насупился. Запах сирени положительно мешал сосредоточиться. Хорошо Пронину болеть!

— Знаете? — сказал Виктор. — У вас от цветов голова еще сильней разболится.

— Ладно, ладно, — отозвался Пронин. — Ты о деле говори, а не о цветах.

Виктор пожал плечами.

— Так я думаю, что виноват Сливинский, — сказал он, поворачиваясь спиною к цветам. — Мавр сделал свое дело...

— Что? — Пронин высунул голову из-под одеяла. — Ну, брат, этого я от тебя не ожидал. Провинциальная школа!

— Позвольте, — возразил Виктор. — Он не изобретатель, он только с боку припека, увязался с товарищем в Москву...

— Ну, брат, это и впрямь только Мавра или Агаша такое заключение могут сделать, — съязвил Пронин. — Уж если тебе затрепанные афоризмы полюбились, я тоже тебе напомню: о мертвых говорят только хорошее...

Виктор обиделся:

— По мне, прохвост — и после смерти прохвост.

— Да ты вдумайся, — возразил Пронин. — Если бы Сливинский хотел похитить чертежи, он обязательно увязался бы с Зайцевым в Управление. Прохвосты всегда заботятся о своем алиби. Он и до этого и после этого имел тысячи возможностей снять копию, и уж если и совершил бы кражу, обязательно подстроил бы так, чтобы произошла она в присутствии товарища, заставил бы Зайцева разделить с ним ответственность. Наоборот, он не поехал в Управление только потому, что оказался хорошим и деликатным человеком. Сливинский не считал себя изобретателем и не хотел делить с Зайцевым славу, так что об этом покойнике — или хорошее или ничего.

Пронин нечасто заступался за незнакомых людей, и это означало, что он очень тщательно продумал поведение Сливинского.

— Но кто же тогда? — задумчиво спросил Виктор, глядя на разгоряченное лицо Пронина.

— А вот это, брат, и предстоит тебе решить, — отозвался Пронин, прячась снова под одеяло. — У меня температура, вон под сиренью и бюллетень лежит, мне думать врач запретил.

Виктор с удивлением взглянул на Пронина и смущенно отвел глаза в сторону.

— Значит, это дело... Вы хотите это дело передать... — произнес он запинаясь и еще раз недоверчиво посмотрел на Пронина. — Передать это дело другому следователю?

— Э, нет... — Пронин опять оживился. — Это, брат, было бы стыдно...

— Значит... — Виктор заметил в глазах Пронина насмешливую искорку и тоже повеселел. — Неужели вы доверите это дело мне, Иван Николаевич?

Пронин натянул одеяло чуть не до самых глаз.

— Там посмотрим, посмотрим, — пробормотал он. — Пока что никому ничего передавать не надо. Работай!

Виктор поглубже уселся в кресле.

— Посоветуйте хоть, с чего начать!

— Начать? — озабоченно переспросил Иван Николаевич. — От какого угла танцовать? С середины! Все углы обойти надо. Поезжай к Евлахову. Начнем со сказки про белого бычка. Попроси его повторить историю с документом...

Иван Николаевич никогда не выхватывал из запутанного клубка какую-нибудь одну нить, он считал необходимым одновременно распутывать все нити — в этом и заключался смысл его советов, хотя врач и запретил ему думать. Раз уж случилось преступление, следовало проверить всех, кто имел хоть какую-нибудь причастность к злополучным чертежам.

Пронин позвонил Евлахову, посетовал на болезнь, сообщил о том, что расследование поручил вести Железнову, попросил ему во всем доверяться и на этом успокоился.

— Ты меня пока не тревожь, — сказал он на прощанье Виктору. — Действуй самостоятельно. Хочу воспользоваться болезнью.

(Продолжение на стр. 16).

УТРО И ВЕЧЕР

Е. Габрилович

Рассказ

Пограничная застава. Железнодорожные рельсы, уходящие вдаль, в глубину осеннего, рыжего леса. Невысокий проволочный барьер, вьющийся по линии границы, от столба к столбу.

Ночь на семнадцатое сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года была очень дождливая. Глухо шумел лес. В полночь бойцам раздали боевые патроны. До утра никто не сомкнул глаз, люди лежали на мокрой траве, вглядываясь в тьму, вслушиваясь в монотонный, неясный шорох листьев. Ни зги не видать! Казалось, кто-то ходит по лесу, обламывает ветки, останавливается, снова крадется.

На рассвете, в назначенный час, где-то неподалеку прозвучало «ура».

Короткая команда.

Люди встали и с винтовками наперевес двинулись к проволоке, ограждавшей границу.

Видно было, как головной танк, грохоча, обрушился всей своей тяжестью на проволочный барьер, придавил его, проломив широкую брешь. В эту брешь устремилась пехота.

Было около пяти часов утра.

На землю Западной Белоруссии вступила Красная Армия.

Справа слышалась дробь пулеметов: наши пограничники обстреливали польскую стражницу. Первый санитарный автомобиль показался из-за поворота. Навстречу ему по осенней размытой дороге в рассветной мгле двигались танки, танкетки, конные батареи, моторизованная пехота.

В селе, в 3—4 километрах от границы, уже толпились на улицах крестьяне. Они выбежали полуодетые, спросонья, разбуженные необычным шумом. Они стояли, вглядываясь в проходящие колонны, видимо, спрашивая себя, что это за войска в непривычной форме.

И вдруг, догадавшись, один из крестьян бросился навстречу колонне. Он размахивал картузом. Шлепая по лужам огромными сапогами, он кричал что-то, подыскивая слова, путая белорусские, польские речения. И внезапно выкрикнул в восторге, что нашел, наконец, нужные, понятные слова:

— Ленин! Ленин!

Гудели танки, дорожные лужи разлетались под колесами автомобилей, падал осенний дождь, густой туман стлался по полям и пригоркам.

А тут, на улице села, какой-то нищий-музыкант играл на скрипке торжественный марш, и толпа, ликуя, приветствовала армию:

— Ленин! Ленин!

★

В тот же вечер в Новогрудке нам показали архивную комнату секретно-политического отдела воеводства. Чиновники воеводства сбежали, кто-то из них пытался уничтожить архив: на полу виден был пепел, полусожженные бумаги.

В огромных шкафах — папки дел, знамена, листовки, отобранные при разгоне демонстраций.

Знакомый портрет среди вороха бумаг. Ленин!

Портрет Ленина в тысячах, в десятках тысяч экземпляров.

Ленин на брошюрах, отпечатанных в типографиях и, видимо, конфискованных в книжных магазинах.

Ленин на подпольных листовках, наскоро отпечатанных на грубой синей и желтой бумаге, с кривыми, расплывшимися строчками.

Ленин на крохотных легких бумажных квадратиках-летучках: такие квадратики тысячами разбрасывались во время демонстраций.

Портрет Ленина, рисованный от руки и сорванный полицией со стены, — на оборотной стороне видны следы засохшего клея.

Портрет Ленина на круглых картонных самодельных значках, прикреплявшихся к одежде булавками.

Знамена с портретом Ленина.

Одно из этих знамен врезалось в память. Красное полотнище, разорванное по краю. Вверху, в правом углу, рисунок, изображавший пламя и дым, вздымающиеся над башнями города, и круглое солнце, пробивающееся сквозь дым. В левом углу Ленин: резкий профиль на красном фоне. Глухой ночью, в глубоком подполье рисовал это знамя безвестный художник. Два пулевых отверстия в середине полотнища. И только одно слово, начертанное по диагонали латинскими буквами:

«Ленин!»

А к знамени пришпилена бумажка, написанная по-польски рукой полицейского канцеляриста:

«№ 1846. Отобрано у К. Свентоховского при ликвидации забастовки на фабрике Ванторека. К. Свентоховский, оказавший сопротивление, убит (см. дело № 1065, протокол № 272, письмо г. начальника дефензивы за № 17336, акт вскрытия судебным врачом № 19)».

На обороте знамени еще два номера: 4232 и 105764.

Это, видимо, инвентарные номера архивов...

Поздно вечером мы выехали дальше на запад. Ночь была темная, дождливая, неясные очертания машин возникали и пропадали во мгле — силуэты великого безостановочного движения. Это вслед за передовыми частями двигались машины радиостанций, машины понтонных частей, походные мастерские, трехтонки и пятитонки, везшие фураж, продовольствие, боевые грузы.



...один из крестьян бросился навстречу колонне.

Рисунок С. Расторгуева

НАКАНУНЕ

Илья Эренбург

ОТ АВТОРА

Мне пришлось быть свидетелем исторической драмы: разгрома Франции. Конечно, в мировой войне это только эпизод, который не определяет ее исхода. Конечно, великий французский народ жив, и ему еще предстоят большие дела. Но с падением Парижа захлопнулся один том летописи. Мой роман исторически ограничен событиями. Он начинается ранней весной 1936 года, когда Франция жила прекрасной несбывшейся надеждой. Он заканчивается днем 14 июля 1940 года в мертвом оккупированном Париже.

Первая часть романа, напечатанная в третьей книжке журнала «Знамя», посвящена победе Народного фронта, движению народных масс, предательству социалистов и первому поражению — «невмешательству». Вторая часть начинается весной 1938 года. С точки зрения политической, это ключ романа: разгром Франции приключился не на берегах Мааса, не во Фландрии: он произошел много раньше, в тихих кабинетах Парижа осенью 1938 года. Я показываю дни перед Мюнхеном, хитроумный план буржуазии, созревшей для предательства, парламент, печать, «Синдикат промышленников» с их своеобразной фауной — шпионов, предателей, простачков, рутинеров и умных, но бесплодных циников. Даладье расправляется с рабочим классом. Гибнет Испания. Гаснут огни, вопят сирены: война... Вторая часть будет напечатана в шестой книжке «Знамени».

Теперь я работаю над третьей, последней частью.

Предатели выполнили то, что было задумано осенью 1938 года: разгром Франции. Пуще всего они боялись французского народа с его революционными традициями и большим сердцем.

Я рассказываю о том, как Париж был брошен правительством и армия—командирами; как пытались солдаты организовать сопротивление; как мужественно отстаивали жители Тура свой город; как умирали сотни тысяч беженцев и плелись на юг одиннадцать миллионов. Я рассказываю о том, как вошла в пустой Париж германская армия. Маленькая учительница Аньес закрыла рукой глаза своему пятилетнему сыну. Я рассказываю о недостойной комедии в Виши и о жизни в Париже, на стенах которого рядом с приказами комендатуры висели клочья старых театральных афиш: «Премьера... «Укрощение строптивой...» Я рассказываю, как молодая коммунистка Дениз одна в почти пустом городе пишет первую прокламацию; ей кажется, что она пишет под диктовку миллионов.

Мой роман — рассказ о большом горе, постигшем французский народ. Но я думаю, что это и книга о человеческой надежде: коммунисты Мишо, Дениз, Легре, учительница Аньес, старый патриот Дюкан — люди разные и непохожие один на другого — мужественно борются, противопоставляя преходящему торжеству на час веру в будущее, человеческое достоинство, непримиримость.

...Арестовывали по спискам, по доносам, по наитию. Один «преступник» поднял кулак, другой насвистывал «Интернационал», третий повесил у себя изображение московского Кремля. Читая сводки полиции, Тесса разводил руками: куда только они ни проникали! «Союз любителей рыбной ловли в Ньевре», «Шахматный кружок департамента Вар», «Общество альпинистов Гренобля» оказались филиалами коммунистической партии. Тесса говорил себе: да, это сила! Теперь понятно, что они могли увлечь наивную Дениз. Огромный спрут, новый орден иезуитов!..

Бретейль требовал расстрела депутатов-коммунистов. Тесса отвечал: «Осторожней, мой друг! Как никак это народные избранники». Тесса боялся создать прецедент... Он чувствовал к арестованным депутатам профессиональную солидарность; хотел их спасти: «Подпишите, что вы отрекаетесь от Третьего Интернационала, и вы сохраните мандаты». Узнав, что арестованные упираются, он вышел из себя: «Фанатики! Я сделал для них все, что мог...»

Пришлось выдержать атаку Фуже. Кулаки марсельцев ничему не научили сумасброда; он заявил: «Преследования коммунистов деморализуют армию». Тесса крикнул: «Значит, вы за Гитлера?» Депутаты зааплодировали, и Фуже сошел с трибуны под дружный свист.

Никогда Тесса так не трудился; редко вырывал он часок для Полет. В изнеможении спрашивал себя: может быть, бросить все? Зачем притворяться? Он стар. Сколько ему осталось жить? Но тотчас отгонял эти мысли. Разве Клемансо в преклонном возрасте не спас Францию?.. Тесса казалось, что он наследник Клемансо. Его статуи будут красоваться на площадях. Он как-то сказал Полет: «Улица Тесса — это звучит неплохо...»

Тесса приходилось заниматься стратегией, экономикой, даже механикой, говорить о запасах хлопка, о новых бомбардировщиках, о торговом договоре с Венецуэлой. Все приходили с претензиями, жаловались на беспорядок. Прежде он имел дело с депутатами или финансистами. Теперь он должен был выслушивать военных: не понимал терминов, не знал, как подойти к человеку, что обещать, чем развлечь. Он говорил: «Армия — иной мир»,— а про себя добавлял: «Низший».

Узнав о предстоящем визите генерала де Виссэ, Тесса нахмурился: с этим ворчуном, кажется, трудно сговориться!..

Генерал де Виссэ выдвинулся в пятнадцатом году; он тогда командовал бригадой на Шмен-де-Дам. Раненый в ногу, он не покинул командного поста. В шестьдесят четыре года он сохранял бодрость, даже задор. Его круглое обветренное лицо с жесткими желтыми усами походило на морду бульдога. Был он человеком добрым, но вспыльчивым; покрикивал на жену, ругал адъютанта. Любил только военное дело и садоводство: на досуге ходил с лейкой, подвязывал розы, прививал, стриг.

Никогда генерал де Виссэ не заговаривал о политике; когда его спрашивали, что он думает о том или ином министре, отвечал: «Армия — великая немая». Одни говорили, будто он монархист и якшается с эмиссарами претендента; другие — среди них генерал Пикар — уверяли, что де Виссэ — чуть ли не коммунист, слушается беспрекословно Фуже и не зря расхваливает советскую авиацию. Увидав, как де Виссэ молится, Тесса искренно удивился: вот вам и приятель Фуже!..

Зачем он пришел? Может быть, хочет нажаловаться на Пикара, который запретил солдатам читать левые газеты? Или потребует, чтобы утвердили институт полковых священников? Пойди разберись!..

Тесса усадил генерала в покойное кресло; вынул из стола коробку с сигарами:

— «Партагас» и, кажется, свежие... Боюсь, что теперь не скоро получат новую партию: пароходы завалены другим добром. Что вас привело ко мне, дорогой генерал?

Де Виссэ долго готовился к разговору; он составил дома вступление — о патриотизме, об уроках прошлой войны, о долге военного. Но теперь он забыл все, откусил кончик сигары, выплюнул его и сразу брякнул:

— Положение отвратительное: во всем нехватка! Вы знаете, сколько пулеметов на батальон? Я уже не говорю об авиации. Я, например, лично располагаю десятью бомбардировщиками. Да, да, вы не ослышались — десятью! Нет обуви, нет одеял. А зима на носу.

Тесса сокрушенно кивал головой:

— Знаю, знаю... Это — наследие Народного фронта: платные отпуска и прочее... Но положение скоро изменится. Мы кое-что купили в Америке.

— Надо покупать, и скорее!..

— Сразу видно, что вы не экономист,— Тесса покровительственно улыбнулся.— Покупать самолеты в Америке исключительно невыгодно. Куда остроумней выписать оборудование: мы экономим на каждом моторе. Но я повторяю: кое-что мы покупаем в Америке. Разместили некоторые заказы в Италии. К весне сорок первого года...

Генерал перебил:

— А если они начнут весной сорокового?..

— Вы лучше меня знаете, что взять линию Мажино невозможно.

— Нет ничего невозможного. Все зависит от того, сколькими людьми они решат пожертвовать. И потом линия Мажино не защищает нас с севера.

— А форты Льежа, а канал Альберта? Если бельгийцев тронут, они будут драться как львы: это рыцарский народ.

— Может быть. Но нельзя полагаться на других. Мы должны укрепить северную границу.

— Утопия! Для этого нужны годы. И потом обязаны соблюдать экономию. Войну выиграет тот, у кого будет больше золота.

Тесса снисходительно смотрел на собеседника: ребенок! Лицо генерала побагровело. На груди ходили ленточки орденов.

— Я человек военный, мое дело — повиноваться. Но я не могу молчать... Генерал Пикар заявил: «Опасности нет». Лерида твердит, что необходима тяжелая артиллерия к сорок второму году: брать линию Зигфрида. А вы видели, что произошло в Польше? У них прекрасные моторизованные части. Они могут попытаться прорвать фронт на коротком участке. И вот мне говорят, что производство противотанковых орудий не только не увеличилось, но понизилось. Почему? Да потому что рабочих отправили в концлагеря. Я видел, они там мешки делают. Хорошо еще, что не бонбоньерки. Я был у Гранделя. Он говорит: «Не ранее сорок второго года...» Господин министр, это катастрофа! Почему квалифицированные рабочие...

Тесса рассердился:

— Напрасно вы слушаете Фуже. В лагеря посылают только

(Окончание на стр. 16).

Отрывок из 3-й части романа «Падение Парижа».



Илья Эренбург.

Фото В. Славинского

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Иван Франко

* * *

Ой, что в поле дымом вьется?
Не орлы крылами плещут,—
То копает грядки Доля,
Красу садит, разум сеет,
Причитает, припевает:
«Ты взойди, краса, до ночи,
А ты, разум, спозаранку,
Ты расти, краса, по пояс,
А ты, разум, меня выше.
Ты ступай, краса, к народу,
Ты ходи по людям, разум.
К тем нейдите, кто охочи
Завязать вам ясны очи.
Не давайся, краса, в руки,
Что тебе готовят путы,
А в неволю попадешься,
Растекись, краса, слезами,
Сгнись, засохни пустоцветом.
А ты, разум, ну-ка разом
Порви цепи вековые,
Что сковали наши думы,
Из потемок люд рабочий
Выводи ко мне ты — к Доле,
Разжигай в нем пламя мысли,
Раздувай желанье воли,
Братство и лелей и пестуй,
Собирай большую силу,
Чтобы разом дружно встала.
Счастье-волю добывала».

ЖУРАВЛИ

Посланцы севера, на дальнем юге,
В краю обилья, песен, красок светлых,
Поведайте о тучах неприветных
На нашем небе. Расскажите, други,

О бедности, рыданьях безответных,
Труде бессонном в скорби и натуге,
О хлебе, что пекут в золе, о вьюге,
Шумящей в песнях, жалобно пропетых.

Поведайте о том, что вас прогнало
Из горького, хоть милого вам края,
Чтоб сердце доброе там зарыдало.

Когда ж и там народ живет, страдая,
И там земля сосет кровь бедняков,
А хлеб дает не им,— не надо слов!

АРЕСТАНТСКАЯ ПЕСНЯ

Кто любит месяц,— я без солнцу вяну,
В тюрьме про волю и не вспоминаю,
Свою судьбу бранить не перестану,
Сижу — врагов постылых проклинаю.

Позвали в суд — чинить расправу, что ли.
Судья мой лютый палками грозится:
«Скажи всю правду, если хочешь воли»!
Сказал я правду и сижу в темнице.

Вот приговор. Отец и мать-старуха
Стоят, обнять не смеют, плачут глухо:
«Глянь, непокорство-то куда заводит,—

В цепях хозяин, в бурой куртке ходит.
Колодки на ногах, обритый волос,
А в поле никнет, осыпаясь, колос»...

Перевод Веры ЗВЯГИНЦЕВОЙ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПИСАТЕЛЬ УКРАИНЫ

Александр Дейч



Иван Франко.
Портрет работы худ. Ив. Труш

В селе Нагуевичи, недалеко от города Дрогобыча, в Западной Украине, находилась кузница Якова Франко.

Сельский кузнец пользовался большой любовью окрестных крестьян, и когда звонкий молот гремел по наковальне, сходились соседи к Якову Франко, и его кузница превращалась в маленький клуб. Шли здесь разговоры о местных новостях, о нуждах крестьянства. Говорили о непомерных налогах, о гнете польских помещиков, попов, предпринимателей.

Иван Франко, сын сельского кузнеца, родился 15 августа 1856 года. Он запомнил на всю жизнь отцовский клуб-кузницу. Здесь впервые услыхал он о тяжкой жизни западноукраинского крестьянина. «На дне моих воспоминаний и до сих пор горит маленький, но сильный огонь. Это огонь в кузнице моего отца. И мне кажется, что запас его я взял ребенком в свою душу для далекого жизненного пути, и еще этот огонь не погас и до сих пор».

Так писал Иван Франко, рассказывая о своем детстве.

С детских лет и до конца жизни Франко шел своим путем, непрестанно пополняя образование. Он начал учиться в сельской школе, перешел в польскую гимназию, затем поступил во Львовский университет. Но казенная наука не удовлетворяла Франко. Он страстно тянулся к книге, к европейским мировым писателям, к украинским классикам, к разнообразным отраслям знания.

Ивану Франко приходилось работать в материальной нужде, в обстановке полицейских и судебных преследований, арестов и тюремных заключений. Первые стихи студент Иван Франко создает за тюремной решоткой. В этих стихах выражается горячая вера в народные силы, намечается программа революционной борьбы:

«Ми ступаєм до бою нового,
Не за царство тиранів, царів,
Не за церков, попів ані бога,
Ні за панство неситих панів.

Наша ціль — людське щастя і воля,
Розум владний без віри основ,
І братерство велике, всесвітнє,
Вільна праця і вільна любов!»

Для Западной Украины, входившей в те годы в состав Австро-Венгрии, отсталой сельскохозяйственной страны, в которой только начали развиваться капиталистические отношения, острые политические стихи Франко и его правдивые повести из народной жизни прозвучали неожиданно смело. Он не идеализировал быт крестьян, как это делали его предшественники и современники, благонамеренные галицийские писатели, не изображал село с точки зрения «этнографической экзотики». Франко вступил в борьбу с безыдейной литературой. «Старые эстетические законы,— писал он,— для нас пропали и стали пустою фразою; основное дело — жизнь. Значит, литература и жизнь должны находиться в самой тесной связи».

Иван Франко на практике осуществлял эти теоретические требования и, верный художественному методу бытописателя-реалиста, показал в своих рассказах и повестях подлинную жизнь сельских бедняков, рабочих, ремесленников, изобразил все, что видел в селах и городах, на фабриках и в шахтах родного края.

О чем бы ни писал Франко, в его творчестве звучали призывы к объединению трудящихся для защиты своих прав, для освобождения родины от угнетателей.

Франко не был наблюдателем со стороны, холодным регистратором фактов и событий. Он был писателем-борцом.

Повесть «Борислав смеется» и цикл «Бориславские рассказы» разоблачают жестокость капиталистов, создающих ужасные условия существования рабочих на нефтяных промыслах. Образы предпринимателей-хищников, которых Франко называет «удавами», проходят через ряд повестей писателя. Франко показывает, как стихийно организуются рабочие для борьбы с предпринимателями, как закипает справедливый гнев в сердцах бориславских нефтяников. Но настоящих путей борьбы с капиталистическим гнетом Иван Франко не показал, хотя и являлся крупным деятелем рабочего движения в Западной Украине, пропагандировал произведения Маркса и Энгельса, учение Дарвина, выступал против идеализма и поповщины.

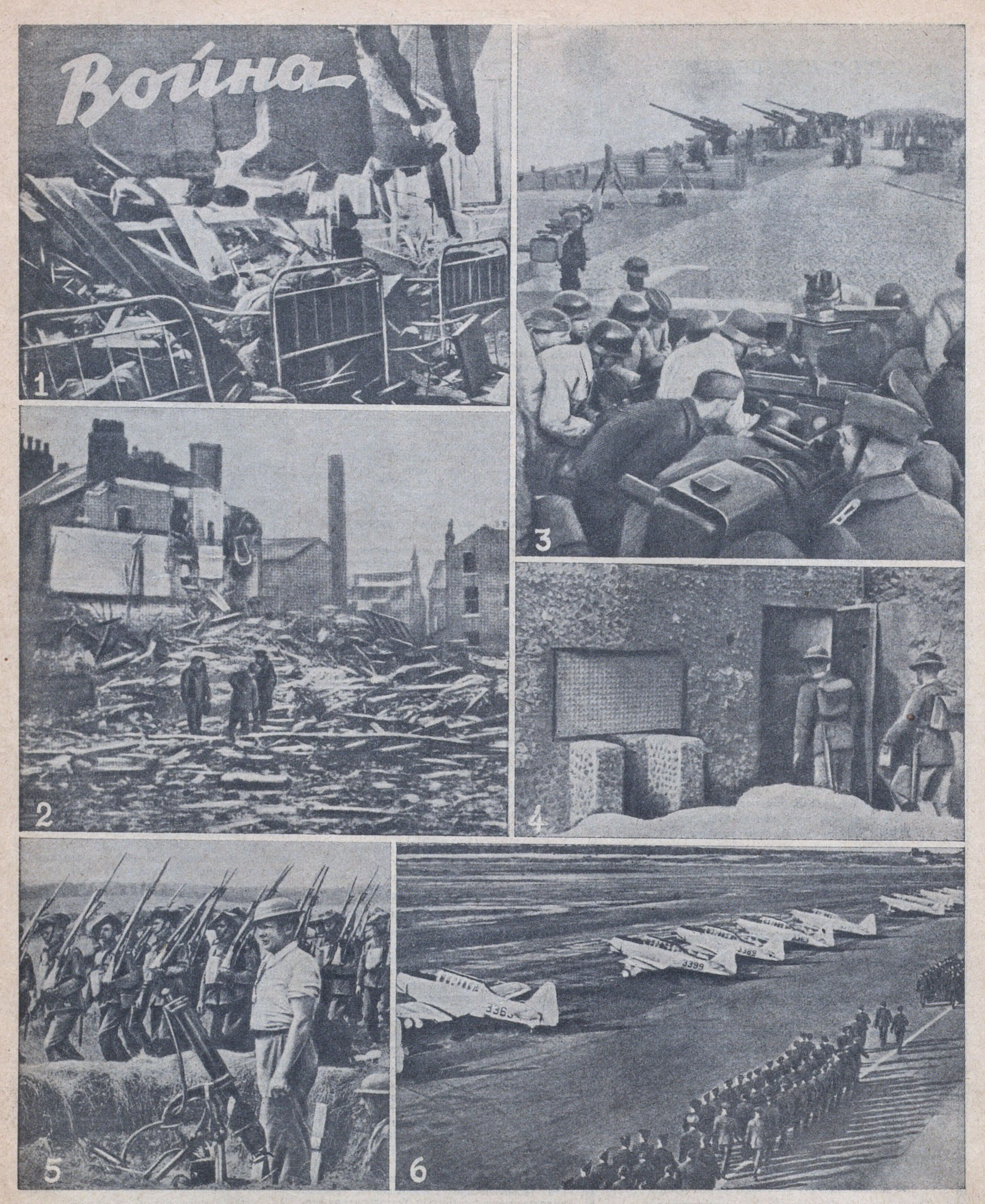
На склоне своей жизни Франко отошел от общественной деятельности и целиком отдался научной работе.

Франко умер 28 мая 1916 года, оставив большое литературное наследство. Оно составляет свыше тридцати томов. Замечательный писатель владел всеми литературными жанрами. Он был новеллистом, лириком, сатириком, романистом, драматургом, создателем сказок и стихов для детей. Он был ученым-филологом, замечательным переводчиком Гете и Гейне, Байрона и Шелли, он был автором блестящих публицистических и экономических статей.

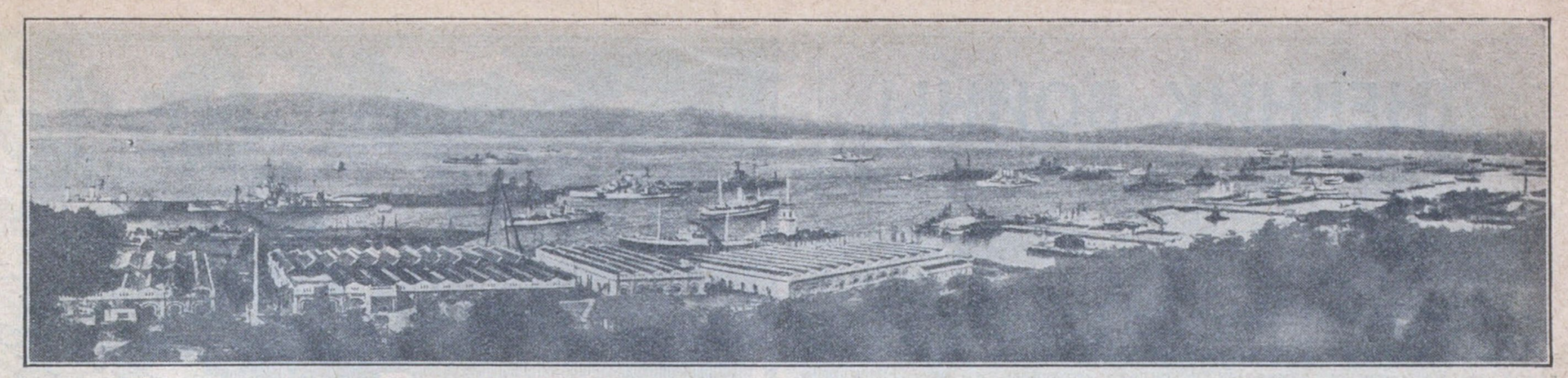
Пользуясь многочисленными жанрами, Франко стремился к одной цели:

«Словом сильным, как трубою,
Миллионы звал с собою», —

звал широкие трудовые массы к борьбе за лучшую долю.



После налета английской авиации на Гамбург (1); в Манчестере после рейда германских бомбардировщиков (2); германские зенитные орудия на побережье Ла-Манша (3); вход в один из казематов укрепленного района в Гонконге (4); боевая подготовка австралийских войск в Англии (5); на одном из учебных аэродромов в Канаде (6).



Британская эскадра на Гибралтарском рейде.

ГИБРАЛТАР В ОЖИДАНИИ

Еще одна поправка внесена второй мировой войной в стареющие не по дням, а по часам географические карты и пособия: Гибралтар, этот «меловой утес, начиненный порохом и железом», превратился из полуострова в остров. Узкий перешеек, составлявший единственную сухопутную связь этой британской колонии-крепости с европейским континентом, недавно перерезан прорытым глубоким каналом, шириной в несколько метров. На берегу новоявленного острова, обращенном к Испании, спешно достраиваются мощные укрепления.

Прорытие канала — только незначительная часть работ, которые на протяжении последних месяцев день и ночь проводятся в Гибралтаре. Британское командование, опасаясь потери этой важнейшей позиции, с которой Англия почти два с половиной века контролирует коммуникации вдоль берегов Атлантики и в западной части Средиземного моря, а также вход и выход в этом море, готовится ко всяким неожиданностям. Развитие военной техники и опыт нынешней войны говорят за то, что таких неожиданностей может быть немало — вплоть до парашютных и воздушных десантов, если не считать действия сверхтяжелых авиобомб.

Судя по информации зарубежных телеграфных агентств, перемены, происшедшие на Гибралтарской скале, возвышающейся на 425 метров над уровнем моря и занимающей пространство меньше 5 квадратных километров, разительны. Важнейшие улицы города Гибралтара, в том числе Мэйнстрит, на которой находится разместившаяся в бывшем францисканском монастыре резиденция английского губернатора и расположены другие правительственные учреждения, изрыты вдоль и поперек окопами и блиндажами. Большинство 25-тысячного населения, состоявшего из англичан, индусов, марокканцев, испанцев и итальянцев, эвакуировано. «Подозрительные иностранцы» интернированы. Старая мавританская крепость превращена в тюрьму. На крышах домов устроены наблюдательные пункты с зенитными орудиями и пулеметами. В скале пробиты огромные лабиринты, в которых устроены бомбоубежища, мастерские, электростанция, продовольственные хранилища. В них собрано продовольствие, запасов которого гарнизону хватит на два года.



Вид с моря на город Гибралтар.



Рельефная карта Гибралтара.

В довоенное время через Гибралтарский пролив ежегодно проходило 6500—7000 торговых пароходов и военных кораблей. Ныне оживление, постоянно царившее на 40-километровой трассе пролива, пошло на убыль, и под тем же знаком затишья находятся торговые порты, товарные склады, угольные станции и ремонтные базы во всем Средиземноморском бассейне.

Ощетинившись дулами наведенных во все стороны орудий и дулами зениток, Гибралтар застыл в ожидании невиданной в его истории схватки. Это ожидание не носит пассивного характера. Мощные, все время получающие подкрепления соединения британского военно-морского флота, базирующиеся на Гибралтар, осуществляют блокаду и проверяют «паспорта» пароходов, входящих в Средиземное море и выходящих в Атлантику, а также совершают, во взаимодействии с авиацией, военные операции на пространстве от Гибралтара на восток, в направлении Мальты.

Л. В.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

И. Ермашев

10 мая 1941 года

1. «ПЛОВУЧИЕ ФАНТАЗИИ»

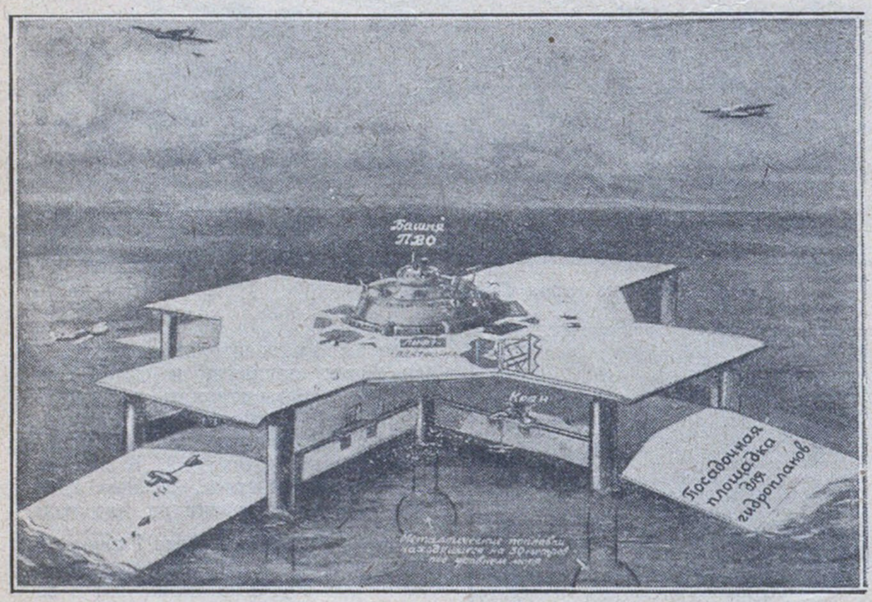
В связи с окончанием военных операций на Балканах и замедлением наступления итало-германских войск в Северной Африке значительно возрос удельный вес борьбы на атлантических коммуникациях. «Битва в Атлантике» принимает все более широкие размеры. Потери торгового судоходства Великобритании и ее союзников составили в апреле, по данным лондонского корреспондента агентства Юнайтед пресс, около 500 тысяч тонн. Правда, сюда входят корабли, потопленные в Средиземном море. Но это обстоятельство не уменьшает значения самого факта роста потерь британского торгового флота, ибо независимо от того, где погиб тот или иной британский пароход, каждая такая потеря прежде всего сказывается на снабжении метрополии. Следовательно, в апреле еще сильнее, чем в марте, британское судоходство ощущало удары, наносимые ему в ходе «битвы в Атлантике». Отметим, кстати, что, по германским подсчетам, британские потери составили в апреле не меньше миллиона тонн. Таковы данные американских и германских источников. Английские официальные сообщения лишь незначительно расходятся с сообщением Юнайтед пресс, но зато сильно отличаются от германских подсчетов. По сведениям агентства Рейтер, английский торговый флот потерял в апреле 60 судов общим водоизмещением в 293 089 тонн. Союзники Великобритании потеряли 43 парохода общим водоизмещением в 189 473 тонны. Потоплено кроме того 3 парохода нейтральных стран общим водоизмещением в 5 562 тонны. Всего, таким образом, в апреле потоплено 106 судов общим водоизмещением в 488 124 тонны. Потери судоходства, обслуживающего Великобританию, были в апреле выше чем в марте.

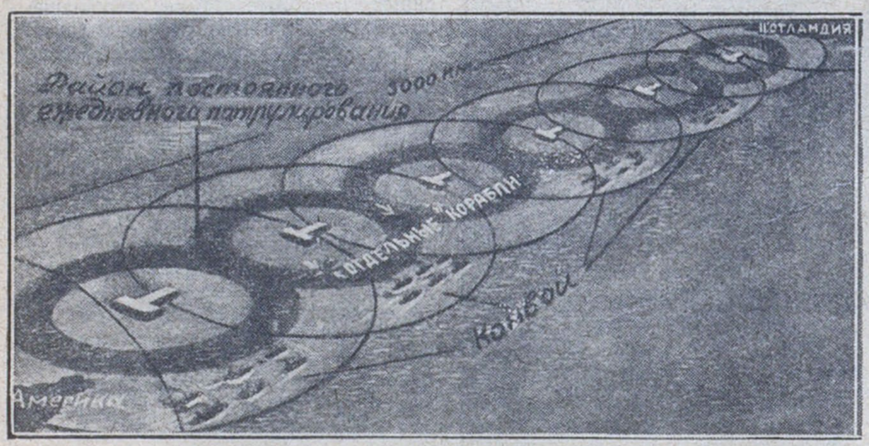
По мере того как обостряется борьба на коммуникациях и возрастают потери британского торгового флота, в английской печати стали все чаще появляться критические замечания по адресу так называемой конвойной системы. Указывается, что конвои в обычном, то есть прежнем, их понятии уже недостаточны для того, чтобы обеспечить британские коммуникации в Атлантике.

Как известно, под «конвоем» понимается группа торговых судов, сле-



СХЕМА № 1. Основные базы коммуникации и блокадные зоны в Атлантическом океан
ной Америки в Великобританию отнесены дальше на се





Один из проектов «большой морской дороги» через Атлантику. На верхнем рисунке — пловучая база для патрульных самолетов. База оборудована специальными посадочными площадками для гидросамолетов, подъемными кранами, мощной установкой противовоздушной обороны и обширной посадочной площадкой. На нижнем рисунке — схема «дороги». Как видно на схеме, радиус действия каждой пловучей базы таков, что на всем своем протяжении «дорога» охраняется как с воздуха, так и на воде.

дующая вместе под защитой военных кораблей-конвоиров. Когда конвойная система была введена в 1917 году, это затруднило операции германских подводных лодок. Тогда, около четверти века назад, германские подводные лодки, действовавшие в одиночку, часто не могли даже решиться атаковать суда, шедшие под конвоем. Теперь подводные лодки, оперирующие в составе соединений и притом во взаимодействии с авиацией, атакуют целые конвои. Некоторые английские и американские морские обозреватели придерживаются того мнения, что конвой в нынешних условиях превращается в ловушку для торговых судов. В Англии и в США заговорили о кризисе конвойной системы.

Это не противоречит тому, что американская печать, поддерживающая мероприятия Рузвельта, ведет широкую кампанию за введение конвоирования американским флотом транспортов, везущих военное снаряжение для Великобритании. Среди морских специалистов США и Великобритании много говорят о непосредственном конвоировании транспортов или небольших групп таких транспортов, обладающих большой скоростью хода. Такие конвои должны придти на смену старым, тихоходным конвоям, которые в среднем состоят из 25—35 судов.

Помимо того в англо-американских морских кругах обсуждаются различные проекты «большой морской дороги» поперек всей Атлантики. В одном германском иллюстрированном журнале появилось в связи с этим не лишенное интереса изображение проекта «пловучей базы», представляющей собою одно звено в цепи аэродромов на «большой морской дороге» в Атлантике. Приводимые нами изображение этой базы и схема защиты этой дороги США—Шотландия показывают, в каком направлении работает мысль конструкторов и морских специалистов.

Германский журнал называет такой проект «пловучей фантазией». Но несомненно, что усиление борьбы в Атлантике заставляет обе стороны применять все новые и новые средства защиты и нападения. Заметим попутно, что еще до начала нынешней войны в печати неоднократно появлялись сообщения о проектах сооружения пловучих аэродромов в Атлантике для обслуживания трансатлантических воздушных линий. В частности германские пловучие станции типа «Вестфален», обслуживавшие самолеты германского общества «Люфтганза», которые поддерживали сообщение с Южной Америкой, явились в известном смысле осуществлением таких проектов на практике.

Быть может, в ходе борьбы появятся и другие проекты и даже образцы таких пловучих аэродромов или станций для защиты океанских коммуникаций. Основной факт состоит в том, что положение в Атлантике вынуждает и Великобританию и США принять весьма серьезные меры для борьбы с германской блокадой.

2. ОБСТАНОВКА НА АТЛАНТИЧЕСКОМ ПЛАЦДАРМЕ

Для того чтобы правильно судить о перспективах «битвы в Атлантике», необходимо вкратце остановиться на нынешней обстановке на этом важнейшем морском плацдарме. Рассмотрим внимательно схему основных коммуникаций, баз и блокадных районов в Атлантике. Эта схема (№ 1) дает весьма наглядное представление об этом.

Прежде всего отметим линию 300-мильной нейтральной зоны, установленной вокруг берегов американского континента решением панамериканской конференции в 1939 году. Эта линия перенесена сейчас на восток до Гренландии. В соответствии с этим американские патрули в Атлантике оперируют на громадном пространстве, от побережья Америки



не. За последнее время морские пути из Север- евер, к Гренландии.

до побережья Африки и Европы, на расстоянии до 2 тысяч миль! Эти патрули до настоящего времени не предпринимали никаких активных операций. В США ведется, однако, большая кампания за переход от патрулирования к конвоированию, то есть к более активному участию американских морских и воздушных сил в борьбе на атлантических коммуникациях.

Затем отметим линию британской дальней блокады, простирающуюся от Ньюфаундленда до Фритауна в Сиерра-Леоне на югозападном побережье Африки. Британские блокадные силы зорко следят за тем, чтобы ни один транспорт, везущий контрабандный груз в Германию, или Италию, или в страны, находящиеся под их контролем, не мог пересечь этой линии. Помимо того британский флот осуществляет также и более тесную блокаду Германии, ее союзников и контролируемых ими территорий. Но основное значение имеет линия дальней блокады европейского материка.

Германская блокадная зона вокруг Великобритании была в начале войны сравнительно невелика. Она была расширена 17 августа 1940 года, а затем—26 марта 1941 года, когда в нее была включена Исландия. Основные базы, на которые опираются германские воздушные и морские силы, оперирующие в пределах блокадной зоны, находятся в Норвегии и во Франции.

Как видно на схеме, германские морские и воздушные силы в состоянии перехватывать конвои, идущие с запада и юга в Великобританию. Однако даже самые дальные бомбардировщики еще не обладают таким большим радиусом действия, чтобы они могли покрывать всю зону блокады. Таким образом, дорога на Гренландию практически остается свободной.

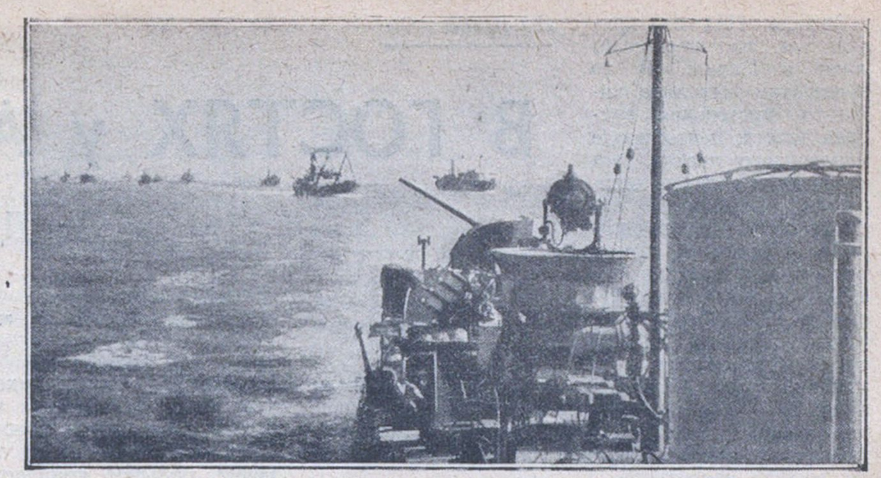
Правда, германские подводные лодки как бы стерегут границы блокадной зоны. Не следует, однако, думать, что на практике подводные лодки сами, без поддержки авиации, в состоянии непрерывно и точно препятствовать нарушению этой «границы» британскими транспортами. Между тем как раз в районе Гренландии и Исландии операции германских воздушных сил крайне затруднены дальностью расстояний. Поэтому перенесение, в связи с наступлением лета, основных британских коммуникаций в Атлантике на север в значительной степени меняет обстановку и усложняет задачи германских блокадных сил.

3. НА ПУТИ К ВОЗДУШНЫМ КОНВОЯМ

Но дело не ограничивается только одним перенесением основных коммуникаций на север: дело заключается еще в том, что по мере улучшения условий навигации в северозападной Атлантике, а также подготовки базы в Гренландии возникает новая воздушная трасса, связывающая Америку с Европой. Эта трасса состоит из трех основных участков: Ньюфаундленд — Гренландия, Гренландия — Исландия и Исландия—Великобритания.

В английских кругах этому новому воздушному пути придается исключительно важное значение. По словам британских обозревателей, с открытием этого пути германские блокадные силы не будут в состоянии препятствовать доставке в Великобританию американских самолетов. Бомбардировщики уже и сейчас отправляются из США в Великобританию по воздуху. Однако истребители не могут пользоваться трансатлантической линией, так как запас горючего на самолетах этого типа недостаточен для столь длительного полета. Новая дорога, с остановками в Ньюфаундленде, Гренландии и Исландии, может быть с успехом применена для переброски также и истребителей.

Оборудование северного пути предусматривает создание на всем его протяжении авиационных баз для охраны коммуникаций с воздуха. Как



Конвой в пути. На переднем плане охраняющий миноносец («конвоир»). Пушки и зенитные пулеметы в боевой готовности.

видно на нашей схеме (№ 2), авиация, базирующаяся на Ньюфаундленд, Гренландию, Исландию и Шотландию, в состоянии создать сплошной охраняемый район на расстоянии до тысячи километров от берега. Поскольку, к тому же, в летние месяцы ледовая обстановка не препятствует судоходству в водах северозападной Атлантики, то сюда именно устремляются основные потоки грузов из США в Великобританию. Весь обширный район северозападной Атлантики постепенно превращается в арену войны, причем нападающий здесь располагает меньшими возможностями, чем южнее, в районах, где проходят главные судоходные линии (между 30 и 40-м градусами северной широты).

В этой связи небезынтересно отметить сообщение, промелькнувшее в иностранной печати, о том, что в США начинается учет всех гражданских транспортных самолетов. Повидимому, подготовляется соответствующий «воздушный тоннаж» для использования его на новой трассе. Разумеется, воздушные транспорты не могут заменить огромный торговый флот, который играет главную роль в доставке военных грузов в Великобританию. Тем не менее в военных кругах воюющих стран большое значение придается быстрому развитию воздушного транспорта, который в ряде случаев незаменим. Общеизвестна роль, которую воздушные транспорты сыграли при переброске части германского «африканского корпуса» из Италии в Северную Африку. Благодаря этим транспортам итало-германская армия в Ливии в состоянии обеспечивать себя водой, горючим и другими необходимыми видами снабжения. Поэтому нельзя считать исключенным применение таких же транспортов для переброски особо важных грузов из США в Великобританию. Таким образом, фактически ход войны приводит к появлению также «воздушных конвоев».

Борьба на коммуникациях в Атлантике принимает, как мы видим, все более обширные размеры и приобретает самый разнообразный характер. И здесь, как и на других фронтах, решающее значение имеют ресурсы, которые могут быть мобилизованы воюющими сторонами.

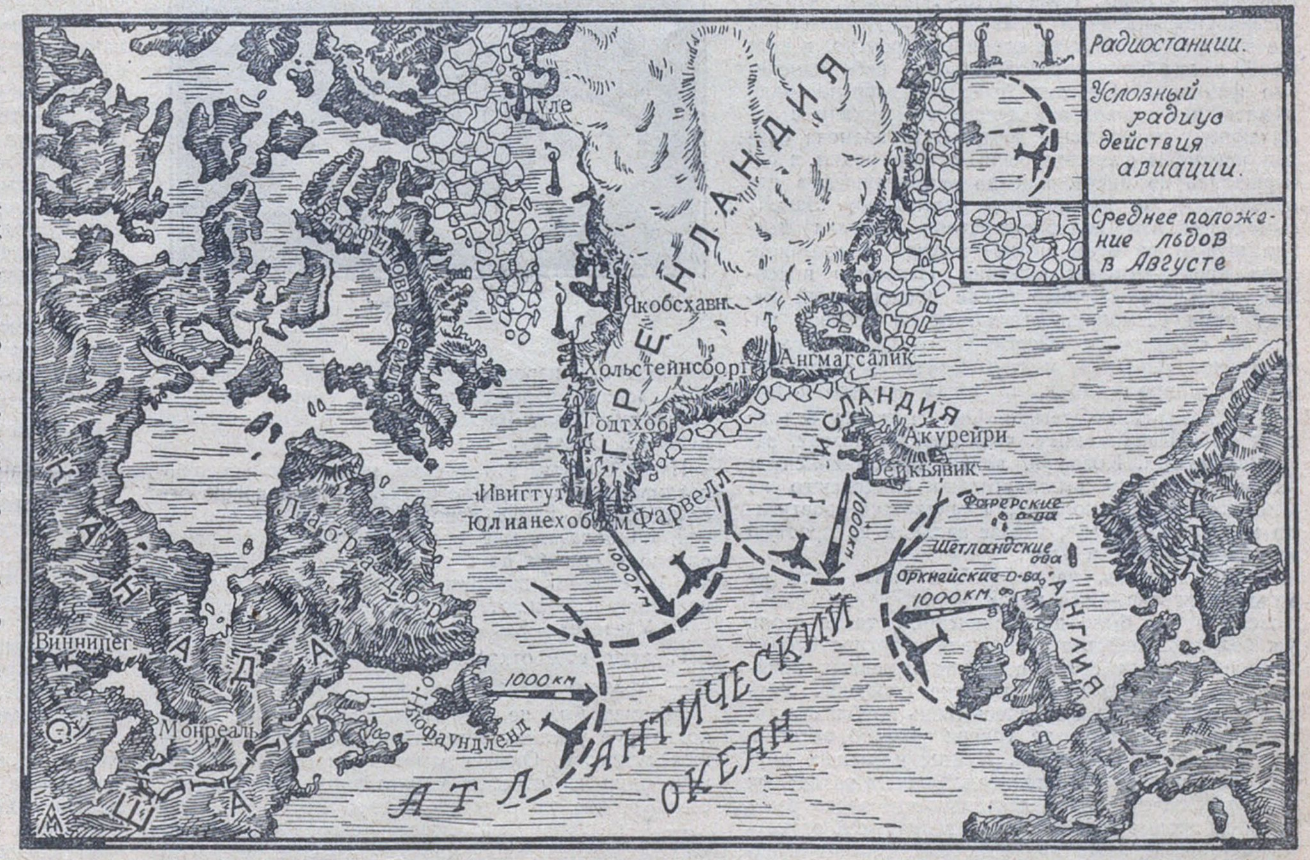


СХЕМА № 2. Воздушная трасса в северозападной Атлантике. Как видно на схеме, англо-американская авиация в состоянии обеспечить охрану воздушного пути из США и Канады в Великобританию. Здесь же в настоящее время проходят основные морские пути.

Из прошлого — *Новые публикации*

В ГОСТЯХ у А. Ф. ОНЕГИНА

А. Дерман

Снимки из архива Института Литературы Академии наук СССР.

Весною 1911 года приехал я на несколько дней в Париж. В то время там выходила какая-то пустенькая русская газета, нечто вроде справочного листка, под названием, если не ошибаюсь, «Парижский листок». На последней странице газеты, в самом низу, между другими сведениями значилось, что там-то, Елисейские поля, улица такая-то, дом № такой-то, находится Пушкинский музей. Дни и часы посещений не были указаны. Один из тогдашних русских эмигрантов объяснил мне, что музей этот — частная собственность некоего Онегина и что для осмотра он вообще недоступен.

— А все-таки? — домогался я.

— Что ж «все-таки»? Вещь известная: рекомендацию надо добыть. Вы вот к кому обратитесь.

Названный им человек, тоже эмигрант, снабдил меня письмом к Онегину и некоторым приложением: касающимися Пушкина вырезками из газет и даже коробкой из-под папирос с аляповатым изображением Пушкина. Что-то было еще, теперь уж не помню, что именно. Я было поколебался являться в музей с таким жалким приношением, но новый мой знакомый успокоил меня:

— А вот я вам говорю, что коробчонка эта лучше всяких рекомендаций. Ступайте, ступайте.

Я отправился на другой же день, утром.

Квартира Онегина находилась в одном из лучших кварталов Парижа, но сама по себе была весьма невзрачна. Вход в нее был справа, под длинным сводом въездных ворот. Я позвонил. Вскоре изнутри отворилась деревянная дверь, оставив железную решетку между мною и сильного сложения стариком, в раскрытой на волосатой груди ночной сорочке. Он сумрачно взглянул на меня из-под косматых седых бровей и спросил по-французски, что мне нужно. По затрапезной внешности старика можно было принять и за швейцара, еще не успевшего облачиться в ливрею, но взгляд у него был такой, что я понял: это и есть Онегин. Я протянул ему через решотку пакет. С тем же сумрачным выражением он пробежал записку, но приложения действительно словно несколько смягчили его. Повертев перед глазами коробку, он хмуро усмехнулся, отпер решотку и молча впустил меня.

Прежде чем говорить о музее Онегина, скажу несколько слов о нем самом. Настоящая фамилия этого человека, прототипа Нежданова из тургеневской «Нови», была Отто. Говорили, что он «незаконнорожденный» сын В. А. Жуковского. Не знаю, по каким побуждениям, вероятно, в конце 60-х годов он исходатайствовал себе изменение фамилии. «Онегин» было им избрано, надо думать, как символ его любви к Пушкину и величайшему из созданий поэта. В те времена случаи перемены фамилии были крайне редки и совершались не иначе, как по «высочайшему» повелению, т. е. по докладу императору. Замечу мимоходом, что недоброжелатели Онегина иногда играли на этом мотиве слухов о «незаконном» происхождении Онегина. Например покойный пушкинист Лернер после происшедшей между ними размолвки всегда, делая ссылки, писал не «Онегин», а «Онегин-Отто» или «Отто» и в скобках «Онегин», и т. д. Сейчас все это вызывает только улыбку, но тогда звучало иначе.

Итак, квартира Онегина. Она состояла вся из трех небольших комнат, чрезвычайно, правда, загроможденных. Когда я, войдя, представился и затем спросил у выжидательно глядевшего на меня хозяина, с какого места начинается собственно музей, он ответил, указав пальцем на простую железную койку в углу:

— Вот кровать, на которой я сплю,— это не музей, а прочее — все музей.

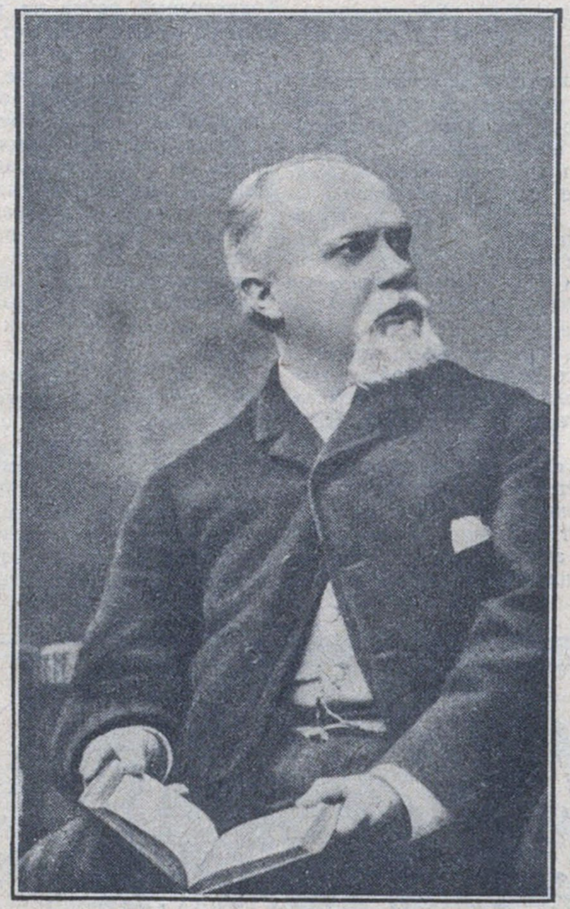
Если это и было преувеличением, то не столь уж большим: действительно, вся квартира Онегина представляла собой собрание музейных предметов, но только очень пестрое собрание. Эпитет «Пушкинский» был здесь лишь приблизительно справедлив. Ибо, не говоря уже об автографах Диккенса, Бетховена, Ницше и многих других выдающихся представителей самых различных отраслей человеческой деятельности, здесь были и такие предметы, как альбом знаменитой артистки Рашели и даже как волосы с головы Шиллера. Стены были увешаны портретами писателей, артистов, композиторов,— и опять же многие из них либо имели весьма отдаленное отношение к Пушкину, либо не имели никакого.

Необходимо, однако, сказать, что удельный вес уже чисто пушкинских материалов среди всяких других был очень значителен.

На первом месте здесь нужно поставить, конечно, большое количество рукописей Пушкина. Хозяин явно гордился ими, и когда, раскрыв передо мною папку, он провозгласил: «Его сиятельство граф Нулин. Весь!»,— то в голосе его прозвучала особенная нота. По неопытности я хотел было прикоснуться к пушкинскому манускрипту, но Онегин сурово отрубил:

— Без рук.

Всю заднюю стену главной, центральной части квартиры-музея занимали шкафы с книгами в



А. Ф. Онегин.

однородных переплетах. Это была библиотека Жуковского, перешедшая после смерти поэта к его сыну, Павлу Васильевичу, а от сего последнего — к Онегину.

Надо сказать, что принял меня хозяин неприветливо. В разговоры не пускался, на вопросы отвечал скупо, глядя исподлобья. Как бы невзначай, он задавал мне время от времени вопросы, словно экзаменуя по истории литературы XIX века. Или ткнет пальцем в какой-нибудь портрет на стене и буркнет в толстые седые усы:

— Узнаете?

И даже еще откровеннее:

— А этого знаете?

Экзамен был не бог весть какой трудности, и когда мне удалось ответить на несколько подобных вопросов, Онегин заметно смягчился. Наконец, один из ответов умилостивил Онегина настолько, что он раскрыл карты:

— А-а, гляди, ведь знает,— сказал он.— А то иногда придет какой-нибудь соотечественник в Пушкинский музей, а сам из всего Пушкина два стихотворения только и знает, да и те Баркова. Признаться, я сюда редко кого и пускаю.

Онегин стал показывать охотнее, но все же до настоящей непринужденности не доходило. Мне было неловко. Прошло с полчаса, я извинился и собрался уходить. Онегин взглянул на меня чуть поласковей и сказал, протягивая руку:

— Вы куда сейчас?

— В Лувр.

— Ага! Ну так вот. Ступайте себе в Лувр, потом закусите в бульонке, а часов этак в пять или шесть приходите снова. Я тогда отдыхаю, мы и потолкуем неспеша.

В шесть часов я застал Онегина в полном порядке. Он был в черном сюртуке, в галстуке, волосы на голове были приглажены. Он сидел в кресле с газетой в руках, кругом на полу были раскиданы уже прочитанные французские газеты. Утром, когда я его видел, он был как-то желт с лица; сейчас из-под красивой чистой седины на его гладких, без морщин щеках пробивался румянец, а глаза смотрели веселее. Впоследствии мне говорили, что в этот час, после обеда, за которым Онегин имеет обыкновение выпивать изрядную порцию вина, он бывает всего ласковее.

Еще в утренний свой визит я обратил внимание на одну драгоценность в его собрании: это была прекрасная посмертная маска Пушкина. Отправляясь к старику вторично, я по дороге купил у цветочницы небольшой букет пармских фиалок и положил его на стеклянный колпак, под которым хранилась маска. Это Онегина тронуло. Он уже не экзаменовал меня больше, не глядел исподлобья своими жестковатыми, умными, с молодым блеском, но со старческой иронией глазами, и сам предлагал взглянуть на то, на другое.

Попутно он рассказывал замечательные случаи приобретения различных предметов своего собрания. Так, показав первое издание «Руслана и Людмилы» в черном дешевеньком переплете, он сообщил мне совершенно фантастическую историю по поводу этой невзрачной на вид книжонки.

У Онегина были налажены постоянные связи с парижскими букинистами. Между прочим, было заведено не пускать в продажу до просмотра Онегиным никаких книг на русском языке. Раз или два в месяц он обходил своих контрагентов и отбирал себе, что понравится.

— Вот так прихожу однажды,— рассказывает он,— и подают мне охапку разного книжного хламу. В числе прочего первое издание «Руслана и Людмилы», потрепанная книжка, без переплета. У меня уже было такое издание, но я забрал, принес домой и даже не раскрыл, положил в пачку для переплетчика, который принимал у меня работу тоже раз в месяц. Вернулась книжка из переплетной, я как-то случайно заглянул. Вижу: пометки карандашом на полях. Приглядελся... Вдруг как ударило в голову: мать пресвятая богородица, да ведь это Пушкина рука! И что же ты наделал, дуралей: половину пометок переплетчик срезал! Побежал к нему, перерыл всю бумажную труху, какая нашлась,— где там! Ведь вот чудо случилось, сама к тебе от Пушкина книга пришла, и где? В Париже! А ты взял да испакостил.

Повидимому, внимание, с каким я рассматривал его замечательные собрания, расположило ко мне старика.

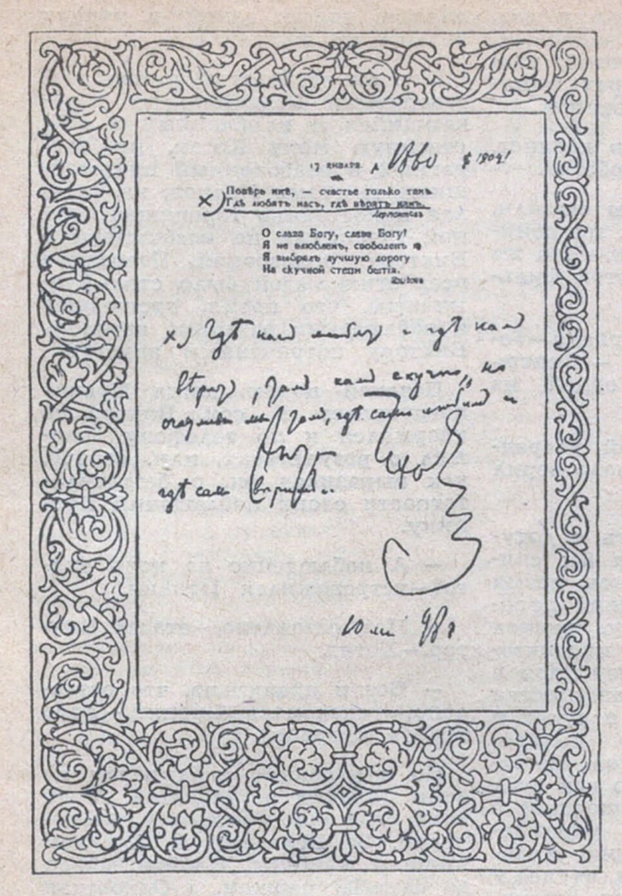
— Хотите чаю? — предложил он.

Никакой прислуги в квартире Онегина я не заметил и потому стал отказываться, чтобы его не затруднить, но он сказал:

— Никаких хлопот; заметьте время: через шесть минут будет чай.

Оказалось, у Онегина есть электрический чайник. Это тогда было еще новостью. Я и новостью заинтересовался, чем также доставил удовольствие хозяину. Впоследствии я заметил, что у страстных собирателей и коллекционеров с течением времени вырабатывается специфическое честолюбие, если хотите,— тщеславие, и они приобретают большую слабость даже к явной лести, я же вдобавок и не льстил, а с полной провинциальной наивностью чистосердечно ахал на все чудеса Онегина, начиная с пушкинских автографов и кончая электрическим чайником.

За чаем наша беседа потекла совсем уж непринужденно. Как ни был я молод тогда и неопытен, мне сразу стало ясно, что предо мной сидит очень, в сущности, одинокий человек. По виду он был горд, речь его дышала независимостью, в осанке его сквозило даже что-то над-



17 января

Повѣрь мнѣ, — счастье только тамъ
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ.

О слава Богу, слава Богу!
Я не влюбленъ, свободенъ я
Я выбралъ лучшую дорогу
На скучной степи бытія.

Запись А. Чехова в альбоме А. Ф. Онегина.

менное. Но сквозь все это пробивалось какое-то застарелое и едкое чувство неотплаченной обиды. С уверенностью я не знаю до сих пор, в чем она заключалась, но проявлялась она, так сказать, универсально. В частности Онегин, повидимому, чувствовал себя обойденным как знаток творчества Пушкина. О современной поэзии он отзывался пренебрежительно, между прочим, не одобряя манеры современных поэтов читать свои стихи.

— А хотели бы вы услышать, как читал стихи Пушкин?— спросил он вдруг.— Сам я, правда, не слыхал, но ровесники и друзья Пушкина мне читали в его манере. Хотите? Ну, так назовите любимое стихотворение.

Выбор был затруднителен; однако делать нечего, я назвал: «Заклинание». Онегин с удовлетворением кивнул головой:

— А-а-а!

Он взял с полки томик морозовского издания стихов Пушкина, перелистал и показал мне: на полях против «Заклинания» было карандашом написано: «Чудо!» Это старик в одиночку выражал свой восторг перед пушкинским шедевром. Мы перешли в другую комнату. Онегин встал, прислонился спиной к столу, на котором лежала маска Пушкина, помолчал. И вдруг обеими руками закрыл себе лицо и горячо, страстно, драматично воскликнул:

— О, если правда, что в ночи...

Он читал с огромным пафосом, раскачиваясь всем корпусом, не отрывая рук от лица, удивительно разнообразно модулируя своим сильным, хотя уже глуховатым голосом, придавая свой оттенок каждой строке, каждому слову. Ударения делал он логические, скандировал не резко. Окончив последнюю строфу, он продолжал стоять, закрыв руками лицо, но уже неподвижно. И вдруг отбросил прочь руки и коротко засмеялся. Засмеялся, но из глаз его катились слезы.

— Да, только и был один поэт, Пушкин!—уверенно произнес он с особенной улыбкой гордости за своего гения-любимца.— А скажите,— внезапно спросил он,— кто таков Фридрих Ницше, вы знаете?

Я ответил, что немного знаю. Удивление мое по поводу этого вопроса тоже, кажется, доставило удовольствие Онегину:

— Могли бы вы поверить, что это вот самое «Заклинание» было одним из самых любимых стихотворений Ницше? Погодите, я вам сейчас покажу.

Оказалось, автор «Заратустры» положил «Заклинание» на музыку, и нотный автограф попал через сестру Ницше к Онегину. Старик с гордостью показал его мне.

Когда по какому-то случаю я упомянул в разговоре имя Чехова, Онегин спросил, люблю ли я его. Я сказал, что очень. Тогда с этакой профессиональной честолюбивой усмешкой старик заметил, что и Чехов оставил свой след в его собрании. Он взял со стола и протянул мне большого формата толстую книгу. Это было издание Вольфа «Дума за думой» — альбом-календарь, содержащий 365 листов. На каждом листе сверху напечатано несколько стихотворных строк. Сюда посетители музея вносили на память свои автографы: каждый на листок с датой своего рождения.

На листе с датой 17 января я нашел автограф Чехова, довольно сложный. К напечатанной дате «17 января» Чехов приписал год своего рождения: 1860. Далее, уже рукою Онегина, был выведен крест и год смерти Чехова, 1904, с горестным восклицательным знаком.

Под датой было напечатано две строки из Лермонтова:

«Поверь мне,— счастье только там,
Где любят нас, где верят нам» —
и четверостишие Языкова:
«О слава богу, слава богу!
Я не влюблен, свободен я;
Я выбрал лучшую дорогу
На скучной степи бытия».

Вторую строку Лермонтова Чехов подчеркнул и, сделав слева знак сноски, написал:

«Где нас любят и где нам верят, там нам скучно; но счастливы мы там, где сами любим и где сами верим... Антон Чехов. 10 май 98 г.».

Автограф как автограф, но меня удивило, что подпись Чехова стояла не под текстом, а путалась посреди текста, перечеркивая последний. Недоумение мое разрешил хозяин книги.

Чехов явился к нему не один, а в сопровождении целой компании, в составе которой находилось несколько молодых дам и девиц. Чехов был весел, отпускал шутки, публика хохотала. Когда Онегин попросил Антона Павловича внести в альбом свой автограф, Чехов подчеркнул строку из Лермонтова, написал: «Где нас любят и где нам верят, там нам скучно»,— поставил на этом точку и подписался.

Но тут дамы и девицы почувствовали себя горько обиженными; поднялся бурный ропот, на Чехова посыпались упреки, жалобы. Тогда он взял перо, точку в конце своего автографа переправил на точку с запятой и далее приписал: «но счастливы мы там, где сами любим и где сами верим». Так и образовался этот автограф, своеобразие которого в настоящее время, боюсь, только я один и могу объяснить.

Чтоб уж кончить об этом эпизоде, напомню, что в 1898 году, 26 мая, т. е. недели через три после посещения Онегина, вернувшись из Парижа в свое Мелихово, Чехов занес в дневник:

«Нужно записать, что в Париже, несмотря на дождливую, прохладную погоду, я провел 2—3 недели не скучно. Приехал сюда и Макс. Ковалевский. Много интересных знакомств: Paul Boyer, Art Roë, Bonnier, Матвей Дрейфус, Де-Роберти, Валишевский, Онегин. Завтраки и обеды у Ив. Ив. Щукина. Выехал на nord-express, в Петербург, оттуда в Москву. Дома застал чудесную погоду.

Образчик семинарской грубости. На одном из обедов к Максиму Ковалевскому подошел критик Протопопов и сказал, чокаясь с ним: «пью за науку, пока она не вредна народу».

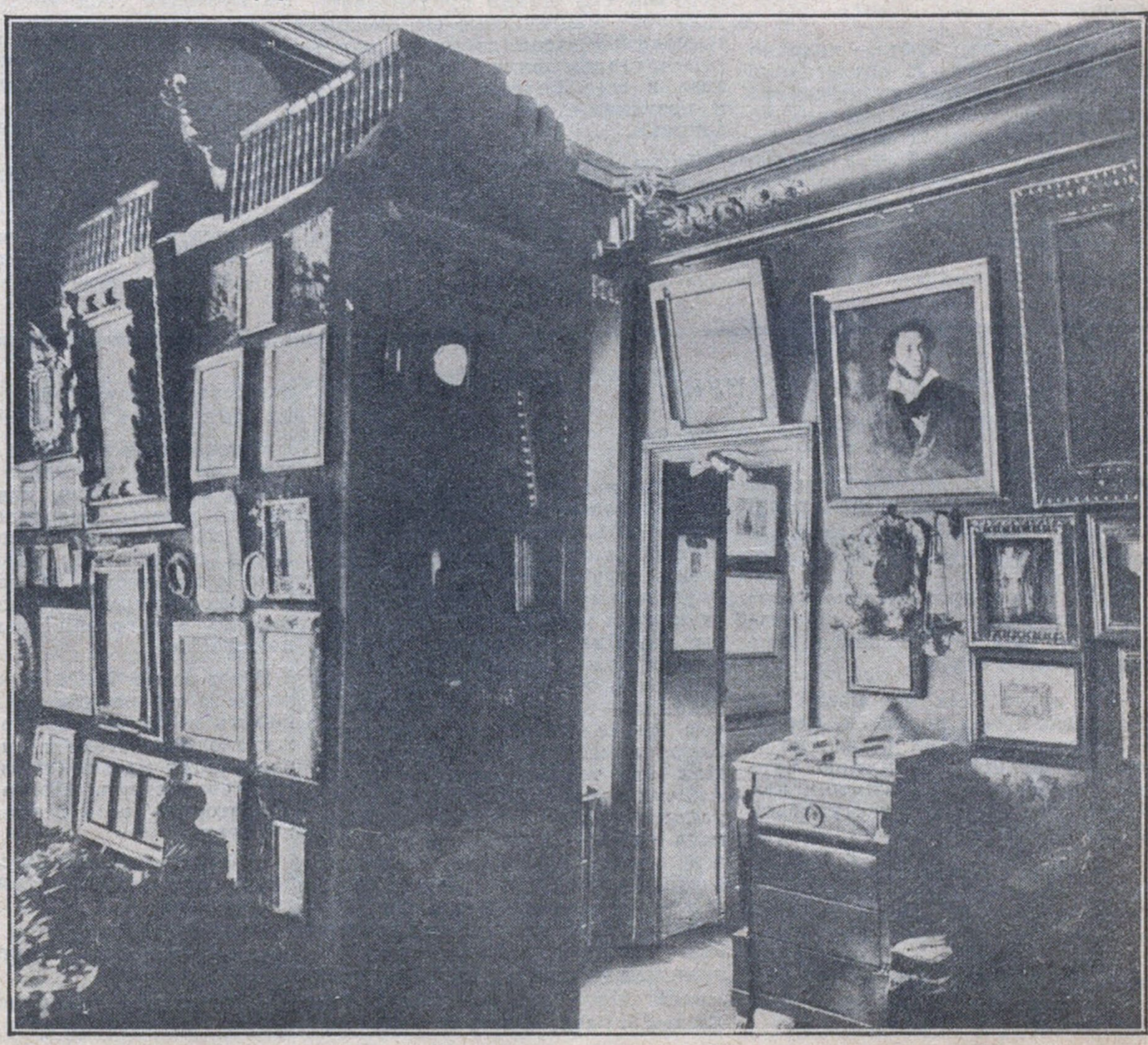
Кто-нибудь из перечисленных в этой записи лиц, вероятно, и привел Чехова к Онегину.

Возвращаюсь к последнему, чтобы кончить.

Когда я собрался уходить, Онегин попросил уведомлять его о случаях продажи автографов, документов и вообще материалов, подходящих для его собрания.

— Платить буду щедро,— сказал он и добавил: — Петербургская Академия наук купила у меня музей за десять тысяч единовременно и по шести тысяч ежегодно до самой моей смерти. Полагали: старый, так умру скоро. А я себе думаю: шалишь, госпожа Академия, уж теперь-то я вгоню тебя в расход! И заладил жить еще лет двадцать.

Его стальные глаза блеснули невеселой, недоброй усмешкой, и это было последнее мое впечатление от Александра Федоровича Онегина. После этого он, действительно, прожил еще довольно долго, однако не двадцать лет, как грозился, и умер в 1925 году. Сейчас все его замечательное собрание находится в нашей Академии наук. Единственное письмо Онегина, которое хранится у меня,—это ответ на уведомление, что в Симферополе, где я тогда жил, можно приобрести письма Лассаля к русской девушке, в которую он был влюблен. Но это уж отдельная история.



Уголок музея Онегина в Париже.

ГОЛУБОЙ АНГЕЛ

(Перенос со стр. 6)

статьи Энгельса о войне перечесть, обещал нашим комсомольцам доклад сделать. Но для тебя мои двери не заперты. В крайнем случае заходи.

Пронин впервые предоставлял Виктору полную самостоятельность. «В крайнем случае» значило «приходи, если не справишься». Виктор гордился доверием и побаивался ответственности. Но Пронин учил его не отступать. Поэтому в разговоре с Евлаховым Виктор держался и резче и увереннее, чем это следовало, точно тот очутился у него в подчинении.

— Скажите, кому известна дислокация заводов, подведомственных вашему Управлению? — решительно спросил Виктор.

— У нас в Управлении? — переспросил Евлахов. — Мне и отчасти Белецкому.

— Товарищ Пронин просил поступить следующим образом, — сказал Виктор. — Написать что-нибудь вроде докладной записки, из которой явствовала бы производственная мощность этих заводов. Какие-нибудь наметки на будущее. Разумеется, приближаться к истине не надо, но выглядеть записка должна достоверно. Ценность документа не должна вызывать сомнений. Что-нибудь вроде производственной программы, какие-нибудь цифры, распределение заказов...

— Знаете, это нелегкая задача, — пожаловался Евлахов. — Боюсь, не получится из меня беллетрист.

— А вы попробуйте, — холодно возразил Виктор. — И обязательно коснитесь в записке производства бесшумных моторов. Несколько фраз об энергичных поисках похищенных чертежей и в заключение о том, что Зайцев, мол, обязуется в течение месяца восстановить чертежи и вы считаете возможным запланировать выпуск моторов. Вообще, вставьте побольше всяких цифр и описаний отдельных деталей, чтобы наизусть все это запомнить было трудновато.

— Зачем это? — поинтересовался Евлахов.

— Ну вот, — отозвался Виктор с укоризной. — Я ведь не спрашиваю вас о действительном местоположении заводов, а вы не интересуетесь нашей дислокацией.

— Ладно, пусть будет по-вашему, — согласился Евлахов. — Вставлю описание двух забракованных моторов, вот все и получится как надо...

Он озабоченно расстался с Железновым и на следующий день, когда Виктор явился в Управление, со вздохом пожаловался:

— Задал мне ваш начальник задачку. Всю ночь сочинял, не умею хорошо врать. Что теперь с этим делать?

— Теперь с этим документом вы должны познакомить лишь тех сотрудников, которые так или иначе были осведомлены об изобретении, — сказал Виктор. — Пусть эта бумага пройдет тот же путь, какой прошла предыдущая записка.

Евлахов захмыкал:

— Машинистке это, конечно, нетрудно продемонстрировать. Но Белецкий меня прожектером назовет...

Он махнул рукой, но перед вечером вызвал к себе Иванова, поручил ему лично продиктовать документ машинистке Основской, и, получив затем документ в перепечатанном виде, Евлахов вызвал к себе Белецкого и Когана и познакомил их с содержанием записки.

Коган торопился домой и откровенно попросил Евлахова разрешить ему ознакомиться с документом утром и тогда уже высказать свое мнение, а Белецкий, прочитав записку и раз и два, оставшись наедине с Евлаховым, изумленно покачал головой, указал на ошибки в цифрах и назвал записку необоснованной.

Виктора, зашедшего в кабинет, Евлахов встретил нелюбезно.

— Все сделал, как вы сказали, а какой в этом смысл, не понимаю, — сердито сказал он. — Что же дальше делать мне с этой фильькиной грамотой?

— Наоборот, все в порядке, — бодро отозвался Виктор. — Теперь эта бумажка станет одной из улик...

Но несмотря на свой уверенный тон Виктор тоже мало верил в успех этого опыта.

Для того чтобы снять с документа копию или хотя бы списать цифры, требовались время и уединение. Иванов даже не зашел к себе в комнату, прошел прямо к машинистке, продиктовал ей написанное и вернулся в кабинет к Евлахову. Машинистка не держала документа в руках, и даже использованную копировальную бумагу Иванов захватил с собой (после того как стал известен случай, происшедший в одном из московских учреждений, где один чрезмерно любознательный иностранец скупал у малограмотных уборщиц бумажный мусор, в Управлении был введен порядок, согласно которому черновики секретных документов и копировальная бумага от них сдавались в секретную часть для уничтожения). Белецкий и Коган тоже не выходили с секретной бумагой из кабинета Евлахова.

Однако Пронин придавал большое значение тому, как эти люди проведут свой вечер.

Белецкий засиделся на работе до поздней ночи и прямо из Управления поехал домой. Наоборот, Коган торопился и ушел раньше обычного. Оказалось, что еще неделю назад Коганом были куплены билеты в оперу. В театре Коган не отлучался от жены, вместе с которой зашел после спектакля в кафе выпить кофе. Иванов и Основская прямо со службы пошли домой и никуда больше не выходили.

Нет, ни грубоватый и малоразговорчивый Белецкий, ни увлекающийся и влюбленный в собственную жену Коган, ни акуратный и озабоченный предстоящими зачетами Иванов, ни усталая и постоянно торопящаяся домой Основская не возбуждали в Викторе подозрений. Поведение всех этих людей было столь будничным, что время, прошедшее в наблюдении за ними, казалось Виктору потраченным впустую.

Поздней ночью, когда Москва погрузилась в сон, Виктор не удержался и по телефону доложил о результатах, или, вернее, как выразился он, о безрезультатности своих наблюдений Пронину.

— А наблюдение на ночь снято? — встревожился Пронин.

— Нет, оставлено, — сказал Виктор. — Хотя...

— Вот и правильно, что оставлено, — успокоился Пронин. — Утро вечера мудренее.

Но и утренние наблюдения не дали никаких результатов. Люди вели себя еще обыденнее, чем вечером. За Белецким и Коганом пришли машины, Иванов дошел до службы пешком, а Основская доехала на трамвае. Домашние работницы пошли по рынкам и лавкам, дети побежали в школу, жена Когана отправилась к модистке заказывать себе шляпку, муж Основской зашел в парикмахерскую и тоже пошел на службу, а мать Иванова понесла в прачечную белье...

Действия всех этих людей терялись в бесконечных будничных делах и заботах, тысячи условных тропок скрещивались и расходились во все стороны, десятки людей встречались с десятками других людей, и за всеми этими людьми просто невозможно было уследить: подозрения и намеки тонули в сутолоке жизни, напоминая дымок, улетающий в небо и тонущий в облачной гуще.

(Продолжение в следующем номере)

НАКАНУНЕ

(Перенос со стр. 8).

коммунистов. Я не вмешиваюсь в стратегию — оставьте политику!

— При чем тут политика? Я говорю об орудиях, о самолетах.

Тесса встал, прошелся по кабинету, вытянул руку и проникновенно — как будто перед ним присяжные — сказал:

— Я видел, как вы молились. Не скрою, я был потрясен. Лично я вырос в светской семье, но я уважаю религию, понимаю чувства верующего. Скажите, как можете вы, католик, заступаться за коммунистов?

— Я не за коммунистов заступаюсь. Мне доверена армия. Религия тут не при чем. Кто будет отвечать за разгром? Мы, военные. Да я согласен посадить на заводы не только коммунистов — чорта, лишь бы у нас было снаряжение!..

— Вы напрасно волнуетесь, вы не учитываете специфики этой войны. Это, скорее, вооруженный мир. Не знаю, зачем генерал Гамелен погубил столько жизней в Варндтском лесу. Франция — страна низкой рождаемости, мы должны вдвойне экономить... Красивые жесты обходятся слишком дорого. А война решится иначе. Блокада — вот наше оружие! Причем расплачиваются англичане. Кого топят немцы? Англичан. Нам это только выгодно: пусть Англия придет на мирную конференцию сильно потрепанной. Блокада — чудовищный пресс; мы его закрутим, но не слишком. Было бы ошибкой довести немцев до отчаяния — тогда они могут действительно полезть на линию Мажино. Необходимо их припугнуть, и они станут сговорчивей. Простите, я привык говорить прямо. Военные должны стушеваться: эту войну выиграют не генералы, а дипломаты.

Рассказывая потом о беседе с министром, де Виссэ кричал: «Выпроводил меня, как прислугу, — не вашего ума дело!.. В Америке покупать не хотят: дорого. Здесь ничего не делают: рабочие — коммунисты. И воевать не собираются: армия должна сидеть смирно. А чего они хотят? Вот и поймите!..»

В тот вечер Тесса обратился по радио к стране. Он не любил говорить в микрофон: его расхолаживало отсутствие глаз, которые загораются или покрываются влагой сочувствия. Когда пришли операторы, Тесса позвал старого курьера:

— Морис, посиди здесь, пока я буду читать: твое лицо меня вдохновляет.

Морис улыбнулся и замер. А Тесса, кокетливо улыбаясь, воскликал:

— Рубикон перейден! Наша война — крестовый поход двадцатого века. Мы обнажили меч за высокие моральные ценности, за христианский гуманизм, за очеловечение грубой механики. Наш меч — страшный меч. Я не раскрою перед неприятелем военной тайны, сказав, что никогда небо Франции не видело столь мощного воздушного флота. Никогда наша земля не сотрясалась от таких полчищ танков. Мы работаем, не останавливаясь, день и ночь, чтобы еще усилить гигантскую броню. Нам помогают наши доблестные союзники — англичане — и великая заатлантическая демократия. Но главная наша сила — наш дух, братство, которое вяжет людей всех партий, всех классов, единство нации, ее воля к победе. Французы, мы не вложим меч в ножны, пока не сразим заклятого врага цивилизации!

Морис боялся шелохнуться. Он сидел на кончике стула все с той же искусственной улыбкой: ему казалось, что его фотографируют.

Литературные новинки

РОМАН И. ЭРЕНБУРГА «ПАДЕНИЕ ПАРИЖА»

Илья Эренбург прожил во Франции примерно тридцать лет: начиная с 1909 года, с перерывами, до 1940 года. Он прекрасно знает Францию, ее жизнь, ее людей и нравы, ее культуру и быт. С глубоким знанием французской действительности, глазами советского писателя он наблюдал исторические превращения, пережитые этой страной в последнее пятилетие, и сейчас рассказывает о них в своем новом романе «Падение Парижа».

Это поучительнейшая история о том, как французская буржуазия и ее «социалистические» наймиты предали и продали собственную свою родину. Это правдивая повесть, наглядно показывающая, что в век империалистического разбоя единственными действительными патриотами своей родины могут быть только трудящиеся.

Пока опубликована первая часть романа (в № 3 журнала «Знамя» за нынешний год). Действие начинается с 1936 года, в канун парламентских выборов, давших победу Народному фронту. В романе проходят интереснейшие события этого памятного года.

Мы видим механику выборов в так называемой «демократической» стране капитализма, грязные закулисные сделки между деятелями буржуазных партий, всевозможные формы подкупа и обмана избирателей, пресмыкание продажной прессы перед капиталом. Один из подлинных властителей Франции, финансист Жюль Дессер, говорит издателю газеты — журналисту Жолио: «...перо придется повернуть. В новых автоматических ручках замечательные перья, их можно повернуть, пишут толще, но не скрипят... Теперь давайте говорить всерьез. «Лавуа нувель» должна выступить за Народный фронт».

Почему же финансисту, крупному заводчику, Дессеру понадобился вдруг Народный фронт и он подкупает печать, отпускает крупные деньги на предвыборную кампанию? Почему главарь французских фашистов, выведенный под именем Бретейля, при перебаллотировке снимает кандидатуры своих людей в пользу кандидата Народного фронта? Почему сам этот кандидат, правый радикал Поль Тесса, симпатии которого (как и Дессера) на стороне Бретейля, так скоропостижно «левеет»?

Деятели буржуазии поспешно перекрашиваются потому, что в стране нарастают революционные настроения. Победа Народного фронта все равно неизбежна. «Если он победит с нашей помощью,— рассуждает Дессер,— год спустя радикалы повернут направо...» Это военная хитрость, расчет на то, чтоб под шумок расквитаться с коммунистами. Буржуазные дельцы нисколько не напуганы «красными» речами «социалиста» Виара на предвыборных собраниях: они хорошо знают цену меньшевистской болтовне. Они сознательно выдвигают Виара на пост главы правительства; свой, ручной «социалист» — они уверены — будет служить им верой и правдой, а при его помощи легче проделать стратегический маневр, легче обмануть народ.

Народный фронт победил, и Дессер едет к Виару с целью повернуть его в нужную буржуазии сторону, но после разговора Дессер «брезгливо отряхнулся. Все оказалось чересчур легким». Разговор окончательно успокоил финансиста: «Из этого поджигателя выйдет отменный пожарный».

В романе показано «одно из тысяч собраний той изумительной весны, когда Париж повторял слова «Народный фронт» с нежностью и страстью». На бульварах Парижа собрались толпы народа в ожидании результатов выборов. Беднота Бельвиля торжествует, ей чудится сказка освобождения. С красными флагами движутся радостные демонстрации. Потом вспыхивают необычайные забастовки: сотни тысяч рабочих Парижа заперлись в заводах, как в крепостях. Об этой новой форме борьбы французских пролетариев мы читали в свое время в газетах, но только сейчас, в романе Эренбурга, видим живые картины этой своеобразной, исполненной величия борьбы. В праздничный день 14 июля (памятная дата революционного штурма Бастилии в 1879 году) развертывается грандиозное шествие. В нем участвует свыше миллиона парижан. Шествие описано красочно. С сарказмом обрисована нестерпимо фальшивая поза министров. Даладье стоит на трибуне, не опуская кулака, а Виар тихонько подпевает: «...и решительный бой...»

Но за кулисами идет уже предательская возня. Тесса в парламенте негодует по поводу захвата рабочими заводов, требует применения репрессий против забастовщиков, заявляет (это особенно характерно!), что выступает, «как депутат Народного фронта». Виар едет на поклон к Дессеру, ждет от него инструкций. Он не только отказывает в какой-либо помощи представителю революционной Испании, но отдает приказ начальнику секретной полиции задержать на границе несколько самолетов, купленных республиканцами во Франции. А вождь французских фашистов Бретейль уже прямо продает свою родину иноземным врагам, для них он тайком добывает мобилизационные планы Франции, сводки, представляющие государственную тайну, от них он получает оружие для своих молодчиков. Так, общими усилиями фашистов, буржуазных радикалов, и, с позволения сказать, «социалистов», подготовляется военное поражение Франции. Ими всеми движет страх перед революцией. Они все повинны в предательстве и измене.

Кто эти люди? В облике Виара проступают черты Леона Блюма и Поля Фора. Депутат Тесса живо напоминает Бонне, Сарро и других видных деятелей партии радикал-социалистов, вступивших в Народный фронт с целью взорвать его изнутри. Соединение в одном образе черт, взятых у нескольких деятелей одного и того же политического склада не есть отклонение от исторической правды, а приближение к ней. Это путь художественной типизации, вскрывающей истинную суть жизненных процессов гораздо глубже и вернее, чем точная фотокопия.

Очень привлекателен образ коммуниста, рабочего Мишо. Его слова и поступки исполнены мужества, политической дальновидности, человеческого благородства. Он ведет предвыборную агитацию, руководит стачкой, дерется с фашистами на улицах Парижа и затем под Мадридом.

Проникновенно, с большой теплотой и нежностью обрисованы в романе женские образы. Жаннет, Аньес, Дениз сложны и интересны каждая посвоему. Образ Клеманс, матери убитого рабочего Жано, отдельными чертами напоминает Ниловну из горьковской повести «Мать». Старуха-испанка, которая кормит революционных солдат французского батальона под Мадридом, в свою очередь напоминает Клеманс.

В первой части романа художественно изображена предистория поражения Франции. Вторая часть (она будет опубликована в № 6 журнала «Знамя») посвящена мюнхенскому периоду и охватывает события до мобилизации. Самая война и разгром будут описаны в третьей, последней части романа.

Новый роман И. Эренбурга привлекает к себе значительностью действия и переживаний, подлинной искренностью тона. Радует то, что на этот раз писатель основательно знает изображаемую им действительность. Его наблюдения поэтому особенно тщательны, характеристики метки, фигуры живы, а средства выразительности богаты и многообразны. Если в последующих частях романа автор удержится на том же качественном уровне, то нынешний год в нашей советской литературе ознаменуется новым крупным вкладом.

И. ЛЕЖНЕВ

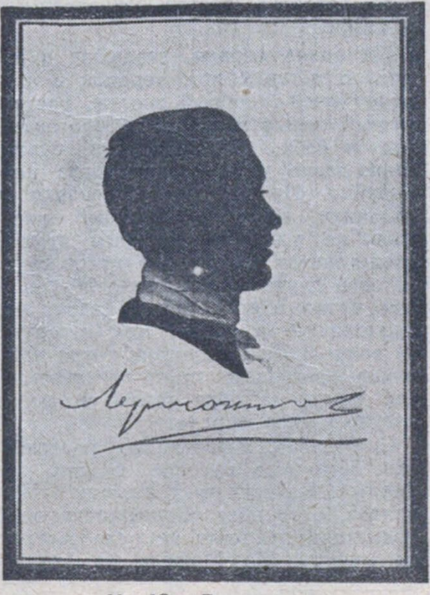
К СТОЛЕТИЮ ГИБЕЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

27 июля исполняется 100 лет со дня гибели М. Ю. Лермонтова. Народы всего Советского Союза будут чествовать память великого русского поэта.

На Украине, в Грузии, Армении, Азербайджане, в Латвии, Эстонии и Литве издаются собрания сочинений Лермонтова. Произведения Лермонтова переводятся и издаются также в Белоруссии, Узбекистане, Таджикистане, в Бурят-Монголии, Татарской республике, в Кабардино-Балкарии, Крыму, Чечено-Ингушетии, Казахстане, Южной Осетии, Карачаевской области, в Орджоникидзевском крае, Якутии и т. д. Интересно отметить, что до революции произведения Лермонтова издавались лишь на 5 языках, а с 1917 по 1940 год они были переведены и изданы на 42 языках.

Об огромной любви к поэту, его популярности свидетельствует ряд писем, получаемых нами с мест.

Тов. Сарьян из Армении пишет, что Лермонтов — один из самых любимых поэтов армянского народа и что творчество многих армянских поэтов тесно связано с творчеством Лермонтова не только в прошлом, но и в настоящем. Тов. Кутуй (Татария) говорит об огромном влиянии Лермонтова на татарскую культуру. Тов. Эгле Рудольф (Латвия) пишет, что Лермонтов, наряду с Пушкиным, Тургеневым, Л. Толстым и Горьким, больше всех переводился на латышский язык и что влияние Лермонтова на развитие латышской литературы исключительно.



М. Ю. Лермонтов.
Силуэт работы худ. Н. Ильина

Композиторы, художники, музыканты включились в творческую работу по ознаменованию сотой годовщины гибели поэта.

Пьесы Лермонтова будут поставлены в 114 театрах Российской федерации и в многочисленных театрах союзных республик.

Помимо Всесоюзной лермонтовской выставки в Москве готовятся выставки в Ленинграде, Тбилиси, Пятигорске и ряде других мест.

Ответственный секретарь Всесоюзного юбилейного лермонтовского комитета М. ЭССЕН.

Искусство

СПЕКТАКЛЬ ВЕСЕЛЫЙ И УМНЫЙ



«В степях Украины» на сцене Малого театра. Второй акт. Слева направо: Саливон Чеснок — лауреат Сталинской премии И. Ильинский, дед Остап — заслуженный артист РСФСР А. Сашин-Никольский, дед Тарас — лауреат Сталинской премии заслуженный артист РСФСР И. Скуратов, Степан Петренко — артист В. Туманов.

Фото В. Федорак

Занавес раздвигается в тот момент, когда милиционер составляет протокол по поводу весьма ожесточенной драки между председателем колхоза «Смерть капитализму» Саливоном Чесноком и председателем колхоза «Тихая жизнь» Кондратом Галушкой.

— Драка между председателями колхозов?! Этого в жизни не бывает. Это нетипично для нашей действительности!— воскликнет филистер.

Но художественная оправданность сценических ситуаций определяется, как известно, не узко понимаемым «правдоподобием», а жизненностью драматического конфликта, положенного в основу пьесы. Конфликт же между Чесноком и Галушкой отражает глубокие процессы, происходящие в колхозной деревне,— борьбу между новым, социалистическим мировоззрением и старыми, собственническими пережитками в сознании людей, роль в этой борьбе решений партии и правительства, неизбежность победы коммунизма.

Кисть А. Корнейчука — сочная, широкая. Каждую свою мысль он воплощает в конкретный, осязаемый образ. Смело и непринужденно написана большая часть ролей. Каждый образ, каждую ситуацию драматург развивает до их предельного комедийного завершения. Если между Чесноком и Галушкой серьезный принципиальный спор,— он доводит их до драки; если нужно подшутить над спекулянтом Долгоносиком, — автор выпускает его на сцену без штанов, и т. д.

В острую комедийную форму, создавая подчас почти буффонные положения, А. Корнейчук сумел вложить большое идейное содержание. В этом значение его новой пьесы, представляющей собой явление в советской драматургии.

Постановщик «В степях Украины» в Малом театре И. Судаков нашел правильное сценическое разрешение комедии А. Корнейчука.

Полная свобода в проявлении чувств всех действующих лиц. Отсутствие каких бы то ни было «подводных течений» в спектакле — широкая комедийная игра «в открытую».

Так в спектакле Малого театра, по-весеннему праздничном, создается атмосфера непринужденного веселья. Актеры лепят выпуклые образы. Преобладают крупные, завершенные жесты, прозрачно ясные, хотя и очень разнообразные интонации.

Познакомимся с исполнением некоторых ролей в спектакле.

Игорь Ильинский — исполнитель роли Чеснока — впервые в своей артистической жизни играет советского положительного героя. Характер его Чеснока отличается некоторой вспыльчивостью, даже «петушистостью». Но доминирует в нем верное понимание линии партии и горячая преданность ей.

Для Галушки в исполнении А. Зражевского характерно состояние благодушия. Он, в сущности, честный, незлобивый человек. Но недостаточная поворотливость мысли, отсталость — при отсутствии хорошего руководства — сбивают его на ложную дорогу.

Катерина Д. Зеркаловой со всем своим молодым задором и не знающей никаких границ увлеченностью всем, что она делает, пленительно женственна. Ее девическая угловатость грациозна.

Режиссер умело предохранил артистов от нарочитого комикования. Как известно, «от серьезного до смешного — один шаг». Но в театре только тогда получается подлинная комедия, когда смех и «серьез» сочетаются воедино так, что между ними даже этого шага не остается.

Роли молодых героини и героя (Гали и Грицько) играют молодые артисты А. Антонова и Б. Телегин. Галина и Грицько так же, впрочем, как и Катерина и Алексей (артист Н. Анненков), глубоко чувствуют, крепко любят. Особенно подъемно проводят А. Антонова и Б. Телегин сцену репетиции колхозным драмкружком «Ромео и Джульетты».

И особенно нужно отметить Н. Светловидова, у которого давно не было таких больших актерских удач, как исполнение им роли спекулянта Долгоносика. Вся его роль в пении. Конгломерат пошлых романсов, которые Долгоносик поет почти без отдыха, успевая, однако, при этом выказать всю бездонную пошлость своей натуры, все свои хищнические повадки...

Веселый и умный спектакль поставил старейший театр столицы.

Вл. БЛОК

НА СУД СЛУШАТЕЛЯ



Лауреат Сталинской премии народная артистка УССР Зоя Гайдай.

Моя творческая работа идет в двух направлениях: опера и камерное пение.

За 12 лет пребывания в оперном театре мне пришлось спеть не один десяток оперных партий, начиная с Лну в «Турандот» (моя первая роль), кончая Дездемоной в «Отелло».

С 1933 года я объездила всю европейскую часть Советского Союза с различными камерными программами, в которых исполняла украинские народные песни и оригинальные произведения украинских композиторов, русскую и западную классику, а также произведения современных композиторов.

Сейчас у меня масса планов на будущее. В театре готовлю роль Серполетты в комической опере Планкетта «Корневильские колокола». Премьера состоится в мае этого года. В следующем сезоне мне предстоит очень интересная работа. Пойдут оперы «Волшебная флейта» Моцарта, «Бенвенуто Челлини» Берлиоза, «Манон» Массене и «Гайдамаки» украинских композиторов Мейтуса, Рыбальченко и Тица. Во всех этих постановках есть для меня роли, и я уже предвкушаю творческую «горячку».

Думаю работать и над дальнейшим расширением камерного репертуара. В данное время с солистом Киевской оперы Н. Платоновым готовлю вечер дуэтов из редко исполняемых опер. Мы стремимся сделать концерт оригинальным по форме, ищем строгость и лаконизм сценической интерпретации.

Кроме того я уже много лет работаю над песнями Шуберта и Шумана. Результаты этой работы вынесу на суд слушателей осенью этого года.

Лауреат Сталинской премии

Зоя ГАЙДАЙ

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

Фото Е. Микулиной

Сколь долговечна сказка! Сколь огромная дана ей власть над умами и сердцами длинного ряда поколений... Такие мысли невольно возникают у каждого взрослого, когда он сидит в зрительном зале Центрального детского театра на спектакле «Сказки».



С. Маршак среди ребят на спектакле.

На сцене образы, запавшие в память с детских лет: теремок в дремучем лесу... добрый козлик, растерзанный семью волками... осиротевшие дед и баба... Читались эти сказки давно-давно и волновали тогда необычайно. Но вот рядом девочки и мальчики, которых сказками, казалось, не удивишь, которым трудно представить Москву без метро, самолетов и двухэтажных троллейбусов. А как чутко следят они за всем, что происходит на сцене! Как негодуют на волков! Как радуются, когда хищников прогоняют прочь от теремка, где «мышь-норушка зерно толчет, а лягушка пироги печет»!

С. Маршак превосходно переработал народные русские сказки для сцены [1]. Во всех трех пьесах («Про козла», «Теремок», «Горе-злосчастье») драматизм действия не ослабевает ни на минуту. Но Маршак не ограничился этим. Он постарался — в пределах возможного — раскрыть перед маленьким зрителем всю глубину народных воззрений, отраженную в сказках. Особенно это удалось ему в «Горе-злосчастье». Ребята навсегда запомнят мудрого солдата. Не прилипает горе-злосчастье к тому, кто, как солдат, не боится его, кто прогоняет его шуткой и смехом, кто думает не о себе одном, а обо всем народе.



Сказка С. Маршака «Горе-злосчастье». Солдат — артист А. Шишков, «Горе» — артистка Т. Струкова.

В. Дудин поставил «Сказки» весело, изобретательно, умело использовав в интермедиях лучшие традиции русского балаганного театра.

СИВЕР

[1] Часть работы сделана С. Маршаком совместно с Е. Васильевой.

НОВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ ЭЙЗЕНШТЕЙНА

В графике своего, до крайности уплотненного рабочего дня лауреат Сталинской премии С. М. Эйзенштейн несколько часов ежедневно отводит изучению исторических материалов об Иване IV (Грозном) и его времени.

Иноземцы поражались огромными неизученными богатствами России. «В Рязани земля дает по три колоса с одного зерна»,— писал один из иностранных путешественников, современник Грозного. И добавлял фразу, вызывающую сейчас улыбку: «А Волга вливается в Каспий многочисленными рукавами».



Лауреат Сталинской премии заслуженный деятель искусств РСФСР С. Эйзенштейн.

Характер Ивана Грозного представлялся многим «для ума загадкой». Но все сходятся на том, что политика его была искусной и очень дальновидной.

Из свидетельств современников, писем путешественников и высказываний историков возникает образ одного из самых выдающихся государственных деятелей прошлого.

Сейчас идет напряженная работа по подбору и систематизации материала. Затем несколько месяцев потребует создание сценария. В декабре в павильонах студии «Мосфильм» должны начаться съемки нового исторического фильма Эйзенштейна — «Иван Грозный».

— В славном прошлом нашего народа,— говорит С. М. Эйзенштейн,— нас интересует все, что связано с прогрессивными и поворотными моментами в истории родной страны. Одним из таких решающих этапов было царствование Ивана Грозного, с непоколебимой волею боровшегося за создание единого, мощного многонационального государства. Феодальной верхушке Иван IV противопоставлял опричнину, состоявшую преимущественно из представителей среднего и мелкого дворянства, поддерживавших его политику.

В своей борьбе против Ивана IV его противники пытались блокироваться с иностранными державами, заинтересованными в расчленении и покорении молодой российской державы. Победоносными походами закончилась борьба со всеми внутренними и внешними врагами, посягавшими на русские земли и русскую независимость.

Сохранившиеся исторические материалы рисуют Ивана Грозного как крупнейшего политика, талантливого полководца и искусного дипломата.

Программа, намеченная и осуществленная Иваном Грозным, грандиозна по своему размаху. Во время его царствования Россия вышла к Балтийскому морю, присоединила Сибирь и обеспечила безопасность южных границ.

Образ Ивана Грозного, государственного деятеля международного масштаба, не нашел ни в изобразительном искусстве, ни в литературе столь же яркого воплощения, как нашли свое отображение в живописи и драме последние годы царствования Ивана IV, годы старости и упадка.

Между тем этот человек семнадцатилетним юношей заставляет венчать себя царем; двадцати двух лет ведет войска на покорение Казани; одним из первых организует регулярную армию, вооружает свои войска артиллерией, покровительствует архитектуре (при нем построен собор Василия Блаженного), заводит книгопечатание, устанавливает дипломатические и торговые отношения почти со всеми государствами Европы.

— Перед советской кинематографией,— заканчивает С. М. Эйзенштейн,— стоит почетная задача—создать такой же сильный и художественно яркий образ Грозного в период расцвета его многосторонней деятельности, как в памятниках русского искусства запечатлен Иван Грозный в старости — резцом Антокольского, кистью Репина и пером А. К. Толстого.

О. АБОЛЬНИК

«ВТОРНИКИ»

«Со второй половины сезона, к весне 1868 г. большая часть членов нашего кружка начала еженедельно по вечерам собираться у А. С. Даргомыжского.

Посетителями его вечеров стали: Балакирев, Кюи, Мусоргский, Бородин, я и В. В. Стасов, а также любитель музыки и усердный певец Вельямов. Иногда исполнялись романсы Мусоргского, романсы Балакирева, Кюи и мои. Игрались в 4 руки мой «Садко» и «Чухонская фантазия» Даргомыжского. Вечера были интересны в высшей степени...» — так пишет Римский-Корсаков в «Летописи моей музыкальной жизни».

Хорошо известно, какую огромную роль играли подобные вечера в развитии музыкальной культуры в России. «Субботы» у Балакирева, беляевские «пятницы» были прекрасной школой русских музыкантов.



«Вторник» в московском Доме композиторов. Певица Н. Рождественская исполняет новые романсы композитора В. Крюкова. У рояля автор.

Фото Г. Капустянского

Эту традицию возобновили композиторы Москвы.

Еженедельно, по вторникам, в столичном Доме композиторов собираются виднейшие музыканты. Здесь исполняются новые произведения, обсуждается прослушанное. Здесь же композиторы и исполнители знакомятся с новинками западной музыки.

Немало «вторников» было посвящено творчеству молодых композиторов. Не так давно слушали концерт для виолончели Гейфмана, поэму для скрипки Козакевич, мордовский танец для двух скрипок Душского, фортепианные произведения Пейко, квартет Тамары Папатенко и др.

Исполняют новые произведения лучшие мастера: пианисты Г. Нейгауз, Л. Оборин, Г. Гинзбург, И. Аптекарев, А. и М. Готлибы, скрипачи Д. Ойстрах, Г. Баринова, певицы Рождественская, Шпиллер. В концертах выступают иногда и сами авторы: Прокофьев, Шостакович, Кабалевский и др.

Один из «вторников» был посвящен встрече московских и ленинградских композиторов. Из Ленинграда приехали Шостакович и Клюзнер. Шостакович исполнил фортепианный квинтет, Клюзнер — сюиту для виолончели и фортепиано.

«Вторники» союза московских композиторов показали, что традиция музыкальных вечеров является одной из наиболее ценных и оправдывающих себя форм творческой работы.

Б. ГЕНДЕЛЬ

Искусство

ДВЕ ВЫСТАВКИ



«Красная гвардия у Смольного».

Картина худ. Г. Савицкого

Что может быть интересней выставки художника, где раскрываются его стремления, волнующие его образы и сюжеты, где шаг за шагом видишь борьбу его за овладение мастерством?

К числу таких интересных выставок относятся выставки работ скульптора Сарры Лебедевой и художника Г. Савицкого.

С. Лебедева — скульптор-портретист. Основная черта ее творческой индивидуальности — стремление раскрыть внутреннее содержание образа. Портрет Ф. Дзержинского (лепившийся с натуры), портреты: В. Чкалова, А. Стаханова, В. Мухиной, А. Серафимовича, О. Книппер-Чеховой и др.— все это работы блестящего мастера, умеющего закончить портрет иной раз одним смелым и неожиданным штрихом.



Г. Савицкий.

С. Лебедева.

Сарра Лебедева — художник-реалист, трепетно вглядывающийся в нашу жизнь и отыскивающий для нее прекрасные и правдивые формы.

В этом большое и близкое ее сходство с художником Г. Савицким. Темы работ этого крупного мастера необычайно разнообразны. Его батальные полотна рассказывают о легендарном походе Таманской армии, боях на Кудринской площади в октябрьские дни 1917 года, о К. Е. Ворошилове в Первой Конной армии и др. Есть у Савицкого и пейзажи и прекрасные изображения животных.

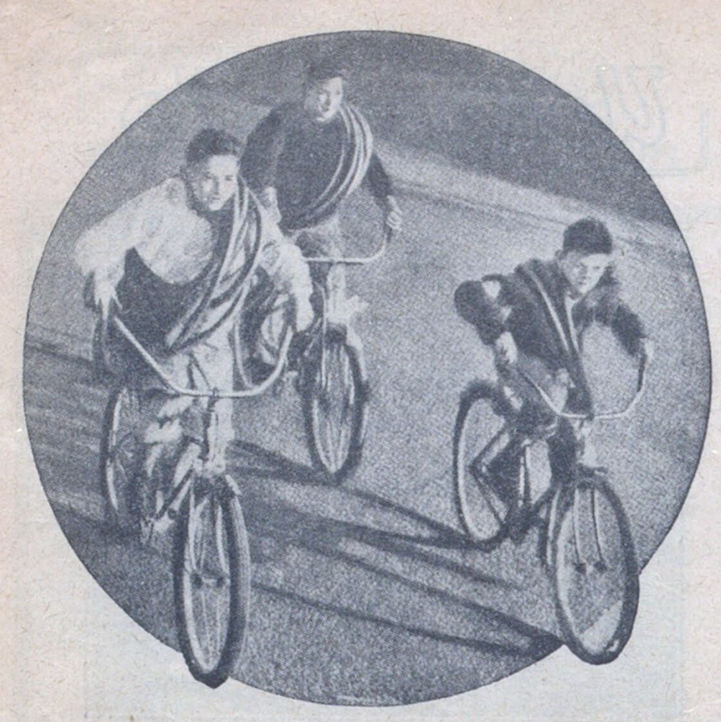
Савицкий, как и Лебедева, принадлежит к числу тех мастеров, которых природа наделила даром, а наша жизнь — возможностью творить в полную меру своих сил.

Ю. ГОВОРОВ





Скульптуры С. Лебедевой: В. Мухина (слева) и Алексей Стаханов.



В небольших городках США при пожарных командах созданы дружины школьников для борьбы с огнем.

ЗА РУБЕЖОМ

«ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА»

Недавно выстроенный мост через бухту «Золотые ворота» в Сан-Франциско, уже внес немалую лепту в статистику самоубийств. За его короткую карьеру, как сообщает Ассошиейтед пресс, с этого моста прыгнуло 23 самоубийцы; власти Сан-Франциско считают, что, кроме этих, зарегистрированных случаев, было еще вдвое больше незарегистрированных. Наряду с безработными, среди самоубийц, «освятивших» новый мост, насчитываются один крупный издатель, известный педагог, отставной полковник.

Власти принимают всевозможные меры, чтобы мост перестал быть излюбленным местом для самоубийц. Так, пешеходная дорожка окружена теперь высоким барьером, автомобилям запрещено останавливаться на мосту, самый мост патрулируется усиленными нарядами полиции и т. д. Но по поводу всех этих мер «Бюллетень Ассошиейтед пресс» напоминает, что точно так же развивалась история другого американского моста, в Пассадене, в Калифорнии. Там тоже произошло 79 самоубийств, прежде чем власти позаботились принять специальные меры, и несмотря на все эти меры число самоубийств хотя и сократилось, но совсем они не прекратились.

Врачи-эксперты утешают американского читателя тем, что человек, бросившийся с такого моста в воду, гибнет от удара об воду, а не тонет...



В Лондоне после сигнала воздушной тревоги. Детей уводят в бомбоубежище.

НАЛЕТЫ НА ЛОНДОН И БЕРЛИН

«Тысячи лондонцев стояли сегодня утром на улицах, усеянных осколками стекла, и смотрели на разрушения, причиненные британской столице самым сильным с начала войны германским воздушным налетом»,— пишет корреспондент американского агентства Юнайтед пресс.

«Пройти по городу было сегодня довольно затруднительно,— продолжает он,— и тот, кто торопился, переживал одно разочарование за другим, потому что все время натыкался на заграждения и вынужден бывал идти в обход. Во многих частях города вообще нельзя было пользоваться автобусом, поддерживалось только пешеходное движение.

На одной улице длиной метров в 400, я не нашел ни одного целого окна. Все дома были сильно повреждены. Там, где можно было заглянуть в пустые отверстия окон, я видел развалины. Ужасно выглядела аптека: пол был весь усеян всякими пилюлями, разбитые пузырьки и банки образовали вместе с разваливишимися полками невообразимый хаос».

В тот день, 17 апреля, агентство Рейтер сообщало, что в Лондоне разрушены бомбардировкой многочисленные церкви, больницы, кинотеатры, магазины, учреждения, склады и жилые дома.

Берлинский корреспондент швейцарской газеты «Нейе-цюрхер цейтунг» сообщает, что налет английской авиации на Берлин в ночь на 10 апреля вызвал необычайно оживленные отклики в германской печати и в общественности. По числу сбитых британских самолетов (13) можно было заключить, что в налете участвовало гораздо больше бомбардировщиков, чем раньше. «При совершенно ясном небе и ярком лунном свете,— пишет корреспондент,— им удалось долететь до центра Берлина и сбросить большие количества зажигательных бомб».

Газеты писали, что бомбы были сброшены на Государственную оперу, на улице Унтер-ден-Линден, и на Прусскую государственную библиотеку. «При этом указывалось, что в Государственной опере надних должны были начаться торжественно гастроли итальянской государственной оперы, приехавшей из Рима».

Как сообщает корреспондент, Государственная опера совершенно сгорела, а у зданий Прусской библиотеки, университета, дворца кронпринца и дворца кайзера Вильгельма более или менее сильно повреждены пожарами крыши. Пострадало от бомбардировки много контор и магазинов, а также, по официальным данным, дворец Бельвю и Новый Потсдамский дворец, где погибли культурные ценности.



Жители Копенгагена приспособляются. Трость, снабженная колесиком и электрическим фонариком, помогает передвигаться по улицам, погруженным в мрак.



Финал поединка над побережьем Северной Африки.

НА СКЛОНАХ ОЛИМПА

Ожесточенные бои за гору Олимп продолжались свыше двух суток. Их описывает корреспондент «Берлинер берзенцейтунг».

Части германской дивизии, с которой следовал корреспондент, направились к Олимпу по неукрепленной дороге вдоль побережья.

«Затем,—пишет корреспондент,—перед нами встала старая крепость, откуда засевшие там новозеландцы оказали им упорное сопротивление. Здесь развернулся двухдневный бой... Вечером 14 апреля новозеландцы с высоты крепости (крепость расположена на горе высотой в 200 метров) преградили нам путь артиллерийским огнем. 15 апреля им весь день отвечала наша артиллерия, находившаяся от противника в 6—7 километрах. Гора и крепость систематически засыпались снарядами. Потом мы сами оказались под метким артиллерийским огнем противника. Новозеландцы вымерили местность, и их снаряды ложились точно на дорогу и железнодорожное полотно».

К вечеру часть германских войск предприняла обходный маневр через западные отроги Олимпа. Чтобы предоставить огневое охранение ударным саперным частям, бронетанковые части приблизились к крепости на 3 километра. Наступила ночь. Германские части, пишет корреспондент, «провели тяжелую ночь. Противник упорен и хитер. Всюду на местности спрятаны пулеметные гнезда. Стреляют из всех углов, и двигаться можно только с большой осторожностью. Противник в одном месте отступает, а в другом снова появляется. Под покровом темноты он подкрадывается с пулеметами даже к танкам. Его пулеметы и гранатометы превосходно замаскированы. Лишь утром 16 апреля удается продвинуться вперед...»

Германские танки двинулись на крепость. «Они преодолевают подъемы в 30 градусов и больше. Они подминают под себя колючий кустарник и проволочные заграждения. Они уже поднялись на половину горы. Вдруг раздаются два—три глухих взрыва. Противник, отступая, подложил мины. Один танк остается лежать, остальные ищут обходного пути... Когда идущий впереди танк достигает подножья горы, снова слышится взрыв такой силы, что нас отбрасывает назад! Опять мина! Танк начинает гореть...»

Лишь к 11 часам утра германские части взяли крепость, тем самым открыв себе путь через ущелье на Олимп.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ

Франко-германская комиссия по перемирию, заседающая в Висбадене, определила численный состав французской армии в 100 тысяч человек. В это число не входят войска, расположенные в колониях.

Новая армия будет состоять из 8 дивизий, штабы которых расположены в следующих городах неоккупированной зоны: Бурже, Шатору, Лиможе, Клермон-Ферране, Лионе, Марселе, Монпелье и Тулузе. Армия делится на две армейские группы, по 4 дивизии в каждой; штабы армейских групп находятся в Авиньоне и Клермон-Ферране.

Обязательная воинская повинность отменена, армия вербуется по найму. Рядовой получает в сутки 10 франков. С целью закрыть доступ в ряды новой армии «ненадежным элементам» при вербовке солдат производится тщательный отбор.

Армия, пишет французская печать, будет сильна своими «физическими и моральными» качествами, но не вооружена, так как в этом отношении предусмотрен ряд крупных ограничений.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ



СТАЛЬНЫЕ ОЧКИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ГЛАЗ

Для защиты глаз от осколков и прочих мелких частиц, разлетающихся в воздухе при разрывах бомб, в Англии введены и начинают широко применяться очки-маска нового типа.

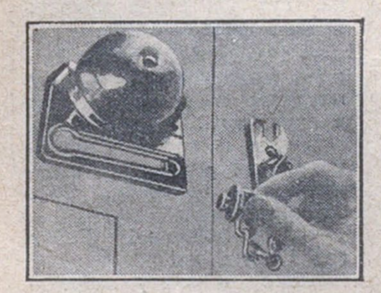
Новые очки (см. фото) сделаны из листовой стали и удерживаются на лице с помощью резиновой ленты.

В металле имеются отверстия диаметром примерно 25 миллиметров, обеспечивающие хорошую видимость и дающие некоторую защиту для глаз. При бомбардировке на круглые отверстия надвигаются защитные пластинки. Узкие крестообразные прорезы в этих пластинках дают ограниченную видимость, но вместе с тем максимально защищают глаза.

С внутренней стороны стальные очки-маска снабжены подкладкой из мягкой губчатой резины, облегчающей их ношение на лице.

ЗВОНОК В ДВЕРНОЙ ЦЕПОЧКЕ

Комбинация дверной цепочки и звонка — простой и удобный звуковой сигнал, предохраняющий квартиру от взлома. Звонок монтирован на той же



скобе, что и отверстие для цепочки. Если натянуть цепочку доотказа, крючок не надавливает на пружину, приводящую звонок в действие.

КОММУНАЛЬНЫЕ ХОЛОДИЛЬНИКИ

В некоторых сельских местностях и городах США установлены коммунальные холодильники с индивидуальными отделениями, рассчитанными на хранение 90—180 килограммов продуктов.

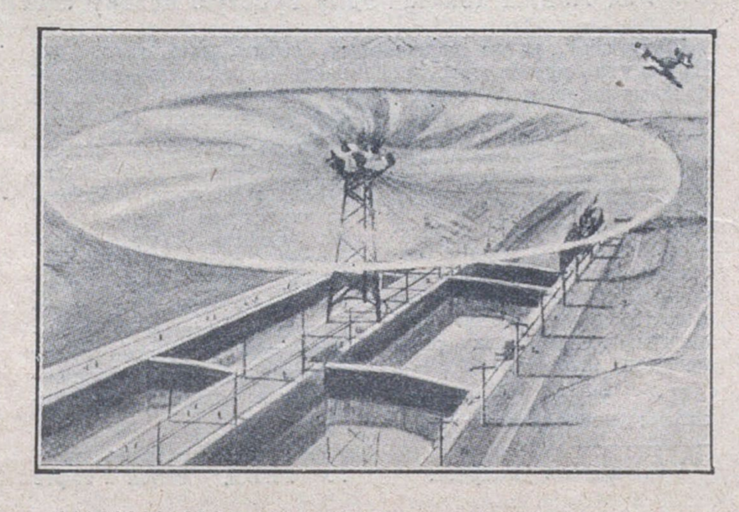
Продукты замораживаются здесь по способу быстрого охлаждения и могут храниться очень долго.

ОБОРОНА ШЛЮЗОВ

Новый метод противовоздушной обороны шлюзов на каналах был предложен американским военным экспертам двумя авиоконструкторами, продемонстрировавшими действующую модель своего изобретения.

На стальной ферме высотой около 50 метров они предлагают установить вращающуюся ось диаметром в 15 метров, а на ней — 12 кабельных барабанов. На каждом барабане должно быть намотано около 70 метров гибкого кабеля. При приближении воздушного врага ось начнет вращаться, кабели станут постепенно разматываться, образуя движущуюся стальную завесу диаметром в 150 метров.

Каждый из кабелей при вращении оси со скоростью 50 раз в минуту будет обладать, по подсчетам изобретателей, кинетической энергией, примерно в два раза превосходящей кинетическую энергию бомбы весом в 500 килограммов, падающей со скоростью 650 километров в час. Другими словами, он сможет или отклонить бомбу от ее пути и предохранить таким образом защищаемый объект от прямого нападения, или вызвать взрыв бомбы на высоте 50 метров, что опять-таки менее опасно, чем прямое попадание.



МИЛЛИОН БУКВ— ОДНОЙ АВТОРУЧКОЙ

При всех своих удобствах самопишущая ручка имеет один недостаток: слишком мал запас чернил.

Немецкий журнал «Technik für Alle» сообщает о выпуске нового типа механической ручки, снабженной двойным резервуаром. Один резервуар наполняется концентратом чернил, а другой — водой, впитывающей только определенную дозу концентрата. Это очень удобно, потому что вода есть везде и можно не бояться в нужную минуту остаться без чернил. В новой ручке запаса чернил в 35 раз больше, чем в обычной. Им можно исписать 800 страниц большого формата, или один миллион букв.

СДЕЛАЙТЕ ЭТО САМИ

СКЛАДНАЯ ЭТАЖЕРКА-ШКАФЧИК

Эта этажерка очень удобна. Ее полочки можно запереть, причем все бумаги или документы остаются в том же порядке, в каком были положены. Кроме того она занимает очень мало места, выступая от стены на 7—8 сантиметров.

Этажерка состоит из рамки, в которой укреплены на шарнирах или петлях ящики-полочки. Количество ящиков по желанию — два, три, четыре.

Внутри ящиков можно сделать перегородки.

Система замка может быть самой разнообразной, в зависимости от желания.

Размеры этажерки определяются размером ящиков-полочек и их количеством.

Процесс работы.

1. Внутренние размеры ящика-полочки определяются по величине того материала, который предполагается здесь хранить. Наиболее удобны следующие размеры: ширина одной ячейки — 27 см, всего ящика — 55 см, высота — 8 см, глубина — 35 сантиметров.

2. Работу необходимо начать с изготовления нужного количества ящичков-полочек.

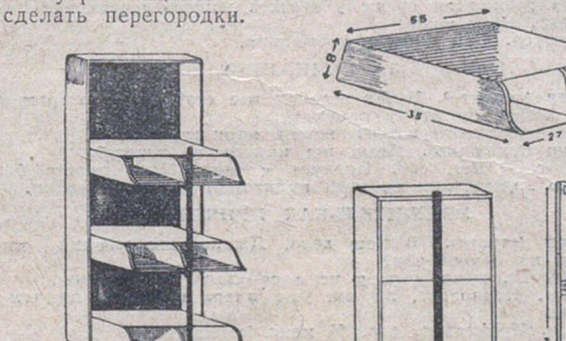
3. Когда ящички будут готовы, сложите их по вертикали и определите размеры наружной рамки.

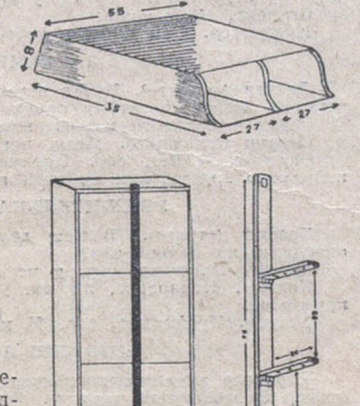
Размеры ее будут таковы: ширина равна ширине ящика — 55 см; глубина равна высоте ящика — 8 см; высота или длина будет равна сумме размеров глубины всех ящиков (трех)—105 см плюс высота ящика — 8 см; всего длина будет 113 сантиметров.

4. Навеску ящиков-полочек можно сделать на петлях, прикрепляя их к задней стенке, или на шарнирах, укрепляя их в наружной рамке.

5. Реечка, запирающая полочки, делается из металла плоского сечения или же из дерева. Ее длина — 107 сантиметров. К реечке прикреплены еще три подвижных коротких рейки длиною по 25 сантиметров. Они привинчиваются к нижней доске ящичков.

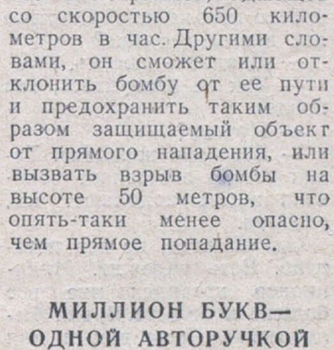
6. Отделка этажерки. Перед сборкой тщательно очистите мелкой шкуркой все части этажерки, покройте краской (морилкой), дайте просохнуть, вторично очистите шкуркой, а затем покройте воском или лаком.





Металлическая или деревянная рейка, которая одновременно служит запирающим механизмом и упором для ящиков, крепится с передней стороны ящиков.

Г. ПАВЛОВ



ВОДЯНАЯ ЗАВЕСА ДЛЯ ПОЖАРНЫХ

В США применяется специальное сопло для пожарных рукавов, которое создает водяную завесу, защищающую пожарного от огня и дыма.

Направление и размеры водяной завесы могут регулироваться путем поворачивания сопла.

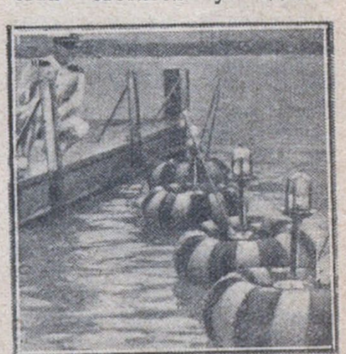
ПРОТИВ ВРЕДИТЕЛЕЙ САДОВ

Вложив в обычную гильзу для охотничьего ружья вместо дроби «снаряд» из плотной бумаги с ядом, применяемым для борьбы с насекомыми-вредителями и болезнями растений, можно обстреливать такими «химическими снарядами» зараженные плодовые деревья или целые шпалеры.

При вылете из дула ружья бумажный «снаряд» разрывается и осыпает деревья ядовитой пылью. Такой способ опыления начали недавно применять в США.

БАКЕНЫ ДЛЯ ЛЕТАЮЩИХ ЛОДОК

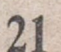
Изображенные на нашей фотографии бакены обозначают границы фарватеров — «стартовых дорожек» — для летающих лодок в американских гаванях. Зеленые огни светятся у одного



конца такого фарватера, желтые — вдоль него и красные — у другого конца. Лампы электрические; зажигание и тушение их производится с помощью импульсов, передаваемых по радио.

800 МИЛЛИОНОВ СВЕЧЕЙ

Завод «Дженерал Электрик» выпускает теперь для армии США прожекторы силой в 800 миллионов свечей. Во время испытаний было установлено, что при свете такого прожектора, расположенного на расстоянии около 20 километров, можно ночью свободно читать газету.



ЮМОР

ДО СЛЕДУЮЩЕГО СВИДАНИЯ

Остановитесь с озабоченным видом в вестибюле станции метро, и вы сразу почувствуете на себе насмешливые взгляды. Тут влюбленные всегда назначают друг другу свидания, и поэтому прохожие лукаво и ободряюще улыбаются. Эти улыбки как бы говорят:

— Придет еще! Не волнуйтесь...

От этого влюбленным становится совсем худо. Я пережил это сам, и кроме того о психологии ожидающих мне кое-что порассказал более опытный товарищ, здешний постовой милиционер.

Первые десять минут он, казалось, не замечал моего присутствия в просторном надземном вестибюле. Когда часы отсчитали 20 минут и я торопливо пробежал по площадке, он улыбнулся. Прошло полчаса. Шаги мои участились. Я бросился к телефону, но не позвонил. Хотел уйти, но вернулся. Нечаянно толкнул сварливого старичка, извинялся и выслушивал наставления.

Милиционер широко улыбался.

— Чего вы радуетесь?— спросил я как можно вежливее.

— Удивляюсь на всех вас.

— Кто же эти «все»?

— Влюбленные. Все мужчины ведут себя одинаково. А на моих глазах за день встречается в среднем триста пятьдесят — четыреста пар. И почти каждый влюбленный гражданин вначале стоит спокойно, потом начинает прогуливаться, а потом просто кидается на пассажиров и начинает нам срывать движение. Наш начальник, сержант милиции, не выдержал и обратился однажды к ожидающим с речью: «Товарищи, пришедшие на свидание! Сейчас, с шести до восьми, у нас часы пик, а вас здесь стоит человек тридцать, и пассажирам метро не пройти, не проехать. Давайте назначать другие часы. Давайте отойдем к сторонке». Со мной начальник, конечно, иначе поговорил: «А вы за чем, товарищ дежурный, смотрите? Что это за безобразие происходит у вас на глазах?» Я ему говорю: «Я, товарищ начальник, работаю здесь два года, и у меня на эскалатор ни один пьяный не попал. Случаев хулиганства, пропажи или порчи имущества тоже не было, а чтобы препятствовать влюбленным, инструкции не было». «Конечно,—говорит начальник,— в инструкции этого и не может быть, но если к нам будут сходиться сюда влюбленные со всей Москвы, то создастся пробка, которую придется ликвидировать с помощью пожарных частей и наряда милиции. Вы должны вести разъяснительную работу...» Я, конечно, разъясняю. Но разве вы меня слушаете? Вы все время по сторонам смотрите. В таких условиях работать просто невозможно! Сколько лет вашей девушке?

— Двадцать восемь.

— Так не волнуйтесь, она придет.

— Почему?

— Взрослая женщина. Такая всегда заставляет человека ждать подольше: час, полтора.

Оказывается, не все потеряно. Есть надежда. Милиционер нравился мне все больше и больше. Время было тихое. Часы пик и для свиданий и для пассажирского движения давно миновали. Поэтому товарищ продолжал рассказывать о своих наблюдениях:

— Должен вам сказать, что женщины почти никогда не ждут и всегда опаздывают. Придет какая-нибудь гражданочка, глянет вправо, глянет влево — и назад в метро или на улицу. Из принципа не ждет. Правда, смотришь, то в магазине спрячется, то за колонной стоит на морозе, но честно ждать не хочет. Придет парень, постоит минуту и собирается уйти. Тогда-то она и появляется из засады: «Ах, здравствуйте! Простите, что я опоздала». А сама посинела от холода.

— И часто бывают такие случаи?

— Да, частенько. Так что ваша знакомая обязательно придет и сразу начнет рассказывать, почему задержалась: «Со мной произошла ужасная вещь. Представьте себе...» А что произошло, я уже не слышу. И так у всех. Обязательно какая-нибудь ужасная вещь. Но бывают и акуратные товарищи. Тут один кинооператор два года приходит ровно в четверть восьмого, хоть часы заводи. Как только он появляется, я уже знаю, мне до конца дежурства осталось час сорок пять минут.

— Кого же он встречает?

— Разных девушек. Из себя он парень видный, но пустобрех. Мне жалко девушек, которые к нему приходят. Особенно одну, некую Нюру. Раз она пришла, другой. На третий раз встретился этот парень, как всегда, в семь пятнадцать, но уже с другой девушкой. А Нюра пришла в половине восьмого и ждет. Я же знаю, что он не придет, и у меня даже сердце разрывается, но разговаривать с ней о личных делах неудобно. А мой сменщик приходит ровно в девять. Нюра собралась уходить. Тут я не выдержал и допустил превышение власти. «Подождите, гражданка, — сказал я ей, — постойте еще десять минут». Она спрашивает: «Я арестована? За что?» «Я вас задерживаю по личному делу». Она совсем оробела и говорит: «У меня личное дело в полном порядке, я счетовод райсовета и все правила знаю». Тут, к счастью, пришел мой сменщик, и я пошел за ней. Прошли мы два квартала, я растерялся и молчу. Она говорит: «Возьмите меня под руку, а то люди подумают, что вы меня задержали». Я взял ее под руку и начал все объяснять. И теперь она с тем типом не встречается.

— Откуда вы знаете?

— Так. Приходится иногда с ней встречаться. Только на другой станции метро. А вот идет и ваша гражданочка.

Я взглянул в сторону, куда он указал кивком головы, и поразился: навстречу шла моя приятельница.

— Как же вы ее узнали, товарищ милиционер?

— По глазам. Смотрит во все стороны, кого-то ищет, а сейчас, кроме вас, никого из ожидающих нет.

«Гражданочка», увидев меня рядом с милиционером, забеспокоилась:

— Что такое? В чем дело?

— Ничего, беседуем.

Девушка успокоилась и тут же начала объясняться:

— Представьте себе, со мной произошла ужасная вещь...

Я невольно взглянул на милиционера, и мы расхохотались.

— До свиданья, — сказал я ему.

Он козырнул и ответил многозначительно:

— До следующего свидания!

В. СУХАРЕВИЧ

РАССКАЗЫ О ХОДЖЕ НАСРЕДДИНЕ

Как Ходжа доказал одну простую истину своему упрямому ученику

В ту пору, когда ходжа Насреддин еще просвещал ленивых юношей в медресе города Сиврихисара, среди его учеников был один, по имени Ахмет, упрямый, как шесть ишаков. Зная бесконечную доброту ходжи, софта[1] Ахмет любил затевать споры со своим наставником, и убедить в чем-нибудь этого упрямца Ахмета было таким же легким делом, как рыть колодец иголкой.

Но ходжа терпеливо сносил непокорность своего софты, ибо знал, что из-за одной розы садовнику приходится вырастить тысячу шипов.

Когда-то ходжа сказал, что людям невозможно угодить: люди всегда останутся недовольны нами. Софта Ахмет, одержимый джином противоречия, стал утверждать, что надо всегда и везде угождать людям и что это — дело легкое. Дерево имеет вершину, а кувшин края — терпение ходжи истощилось.

Насреддин отвязал своего ишака, велел софте сесть на него, и они тронулись на сиврихисарский базар.

Едва только они показались на базаре, как услышали сзади голос:

— Какой негодяй! Молодой и здоровый балбес расселся, а несчастный старик идет пешком...

Ходжа сказал Ахмету:

— Мой сын, люди уже недовольны нами. Слазь, я займу твое место.

Ишак не прошел и трех шагов, как продавцы тыкв загудели:

— Мерзавцы эти ходжи! Видишь, сам развалился на ишаке, а бедный софта плетется сзади, как собака...

Ходжа молча слез с ишака. На базаре поднялся хохот:

— Дураки! Ишак шествует пустой, а они, высунув языки до сапог от усталости, плетутся по камням...

Ходжа и софта уселись вдвоем и пришпорили ишака. Тут уж стала кричать целая орава людей:

— Изверги! Мучают бедное животное! Оно еле плетется и скоро сдохнет и свалится...

Ходжа и софта испуганно слезли с ишака и взвалили его на себя. Весь базар зашумел:

— Сумасшедшие! Бейте их! Гоните их!

Ходжу и софту забросали камнями и гнилыми дынями. Они свалились с ног. Когда очнулись и утерли грязь с лица, то ходжа сказал своему ученику:

— Сын мой! Мы изо всех сил старались угодить людям, и ты видишь — это невозможно...

И впервые упрямый софта, утирая кровь из-под носа, сказал:

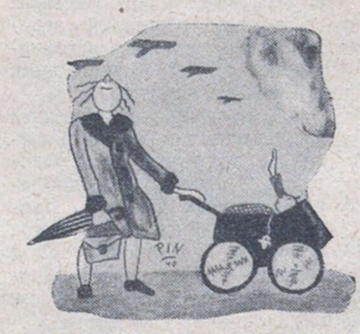
— Ты прав, мудрый ходжа!..

С тех пор Ахмет всю жизнь делал добрые дела, не заботясь о том, что скажут о нем люди, ибо справедливо говорится: «Сотвори добро и брось на морское дно...»

Обр. Н. Соколовский

[1] Слушатель медресе.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР



СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ

— Спи, маленький, спи. Слышишь — жжж, бррр...— летят самолетики.

— Знаю, нянюшка. Это летят истребители Дуглас: размах крыльев — 13 метров, посадочная скорость— 112 километров в час, радиус действия—2760 километров, вооружение — три пулемета.

(«Небельшпальтер», Швейцария)

В КОЛЛЕДЖЕ

Профессор. А теперь скажите: какие три слова наиболее часто употребляются среди учащихся вашего колледжа?

Студент. Я не знаю.

Профессор. Совершенно правильно.

ЗА КОМПАНИЮ

Лектор (сердито). Пусть встанут все студенты, которые ничего не знают по этому предмету.

После небольшой паузы встает один студент.

Лектор (злорадно). Итак, вы ничего не знаете?

Студент. О нет, сэр. Предмет я знаю. Мне просто было неприятно видеть, как из всей аудитории стоите вы один.

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

Хозяин (строго). В чем дело, Джонс, вы сегодня опять опоздали на целый час?

Джонс. Простите, сэр, у меня сегодня сын родился.

Хозяин. Позвольте, но вы уже вчера опоздали под тем же предлогом.

Джонс. Правильно, сэр. У меня близнецы.

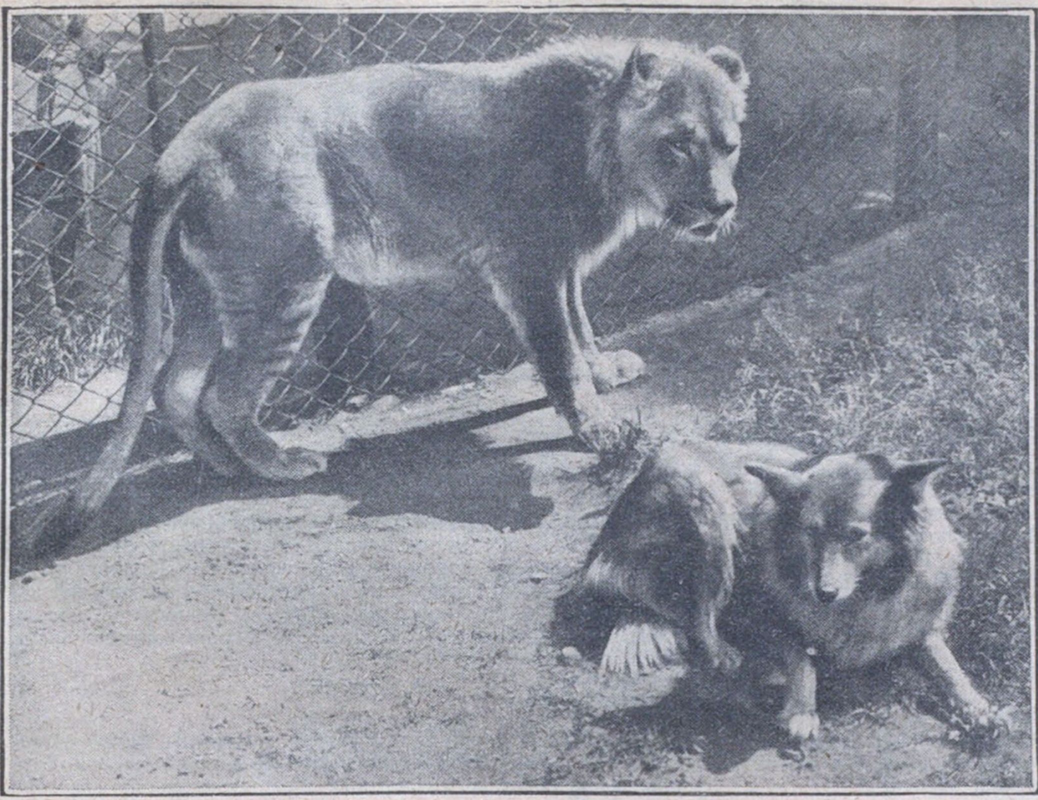
«ЭТО ЖЕ АМЕРИКА!»

Директор американского треста гостиниц осматривал новый отель, выстроенный трестом. Зайдя в судомойню, он увидел мужчину, уныло перетиравшего тарелки. Директор хлопнул его по плечу:

— Побольше мужества, старина! Я ведь тоже начал с мытья посуды, а теперь вот стал директором. Это же Америка!

— А я вот был директором, а теперь — судомойка. Это тоже Америка!

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА



СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Тридцатого апреля 1935 года в Московском зоопарке впервые познакомились львица «Кинули» с шотландской овчаркой «Пери». Львица получила кличку «Кинули» потому, что когда она родилась, то у ее матери не оказалось молока и сотрудница Зоопарка воспитала львенка на коровьем молоке из рожка. В это время и подружилась «Кинули» с «Пери». Шесть лет они живут в одной клетке.

Дружба между 6-летней «Кинули» и 17-летней «Пери» так велика, что если хотят взять собаку насильно из клетки, то львица начинает волноваться, реветь и старается лапой оградить собаку.

Однажды собака заболела, она не могла даже подняться на лапы. Львица лизала собаку, почти все время лежала рядом с ней и когда получала свои пять кило мяса, то сама не ела, а клала всю порцию около собаки. С большим трудом удалось вынести «Пери» из клетки. На львицу эта разлука так сильно повлияла, что она в течение трех дней отказывалась от пищи.

Прошло три месяца, и «Пери» выздоровела. Когда собаку вели к клетке, где находилась «Кинули», то сотрудники Зоопарка не были уверены в том, какова будет встреча друзей после продолжительной разлуки: не разорвет ли львица собаку. За «Пери» следовало много посетителей Зоопарка. Как только «Кинули» увидела в толпе «Пери», она начала выражать беспокойство. Но когда собаку впустили в клетку, «Кинули» радостно начала ласкаться к «Пери» и всячески выражать свою радость.

Л. ШТРАНДТ

СЕГОДНЯ ВТОРНИК ИЛИ ЧЕТВЕРГ?

У вас под рукой нет календаря. А вам нужно установить, какой сегодня день недели. Хозяйственнику нужно спланировать годовой или квартальный план. Когда, на какие даты приходятся воскресенья или другие дни отдыха? Эти же сведения требуются при составлении графика работ.

Предлагаю способ безошибочного определения любого дня на любую дату в ближайшие 5 лет. Для этого нужно руководствоваться следующей таблицей.

На каждый год дается 12 цифр (по количеству месяцев в году), соответствующих порядковому следованию месяцев.

255 136 140 250	относятся	к 1941 году
366 240 251 361	»	к 1942 »
400 351 362 402	»	к 1943 »
512 503 514 624	»	к 1944 »
033 614 625 035	»	к 1945 »

Цифра 2, например, относится к январю 1941 года, декабрю 1943 года и т. д.; цифра 5 — к февралю 1941 года.

Вычисление производится следующим образом: берется число месяца (к которому мы подыскиваем день недели), и к нему прибавляется одна из цифр, обозначающая на таблице этот месяц. Полученная сумма делится на семь. Остаток от деления покажет день недели.

Если сумма, полученная при сложении, меньше семи, то она сама будет показывать день недели. Деление в данном случае на 7 не производится.

Для воскресенья остаток будет — 0, понедельника — 1, вторника — 2, среды — 3, четверга — 4, пятницы — 5, субботы — 6.

Примеры: нам необходимо узнать, на какой день недели приходится 7 ноября 1941 года.

Ноябрь занимает 11-е место в ряду цифр 1941 года; на этом месте стоит цифра 5. К ней прибавляем нужную нам дату месяца, то есть 7 (7-е ноября). Сумму (в данном случае 12) делим на 7, получаем 1 и в остатке 5; цифра 5 соответствует пятому дню недели, то есть пятнице.

На какой день недели приходится 1 мая 1944 года?

На нашей таблице маю 1944 года соответствует 0. Прибавим к 0 дату месяца 1. В сумме это составит единицу, а 1 соответствует понедельник.

Н. БОЛДИН

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ

«БОМБАРДИРОВКА» РАКА

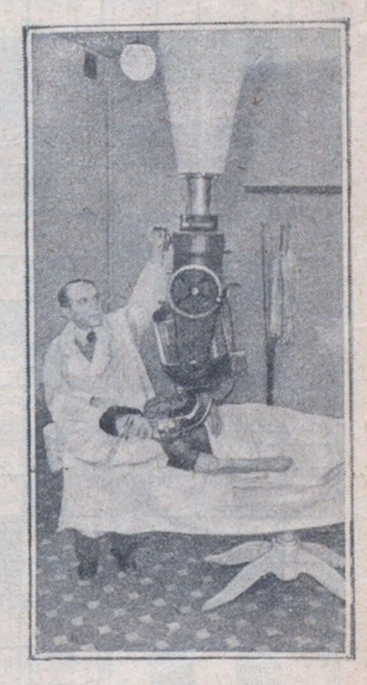
Недавно Московский центральный онкологический (опухолевый) институт подвел предварительные итоги нового способа лечения некоторых видов рака и саркомы. Этот способ заключается в лечении рака большими дозами радия на расстоянии и осуществляется при помощи так называемой «радий-пушки».

С потолка свешивается полутонная свинцовая бомба. В этой непроницаемой для лучей радия оболочке заключен барабан, в отверстия которого вставлены платиновые патрончики с радиевой солью. Общее содержание радия измеряется не миллиграммами, как было раньше, а граммами. Трубку, составляющую продолжение бомбы, врач вплотную подводит к опухоли.

Пока действие первой в Союзе «радий-пушки» испытано на пятидесяти больных. Опухоли «бомбардировались» лучами в течение трех—шести недель по одному часу в день.

У больного К. образовалась раковая опухоль под челюстью. Старый способ лечения радием не помог. После операции появилась новая опухоль. Только «пушка» вернула К. здоровье и работоспособность. Другому больному рак гортани затруднял дыхание. «Пушка» избавила его от опухоли и сделала вполне здоровым.

Большая опухоль приковала больную А. к постели. Удалить опухоль хирургическим путем было нельзя. «Пушка» поставила А. на ноги.



Таких случаев немало. Доказана возможность пользоваться большими дозами радия без вреда для здоровых тканей. Большие дозы радия разрушают опухоль без хирургического вмешательства, даже если она расположена на глубине четырех—пяти сантиметров. «Пушка» хорошо защищает медицинский персонал от вредного действия лучей.

ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ...

...Что в Венеции до половины XVII века грозила смертная казнь всем, разглашавшим секрет изготовления зеркал, производство которых составляло монополию Венецианского государства.

...Что каждую 21 секунду в США происходит серьезное преступление. Каждые 44 минуты — предумышленное убийство. Каждые 9 минут — ограбление. Каждые 100 секунд — кража со взломом. Каждые 36 секунд — простая кража. Каждые 3 минуты — угон автомобиля.

Эти разительные цифры огласил недавно заместитель начальника Федерального следственного бюро министерства юстиции США.

...Что в 1900 году едва не началась война между Гаити и Доминиканской республикой... из-за почтовой марки. Доминиканская республика выпустила почтовую марку с изображением своей географической карты, причем, по недосмотру, ее граница с Гаити была отнесена западнее, чем это было в действительности. Правительство Гаити, усмотрев в этом политические происки, обратилось к «агрессору» с грозным ультиматумом. Дело уладилось дипломатическим путем.

...Что один из самых плодовитых писателей мира — венгерец Мор Иокай (1825—1904). Им написано до 300 романов. В «Романе будущего века», написанном в 1879 году, он предрекал русскую революцию. В романе «Свобода под снегом» изображено восстание декабристов. Среди действующих лиц выведен Пушкин. К 50-летнему юбилею писателя (1896) было выпущено полное собрание его сочинений в ста томах.

...Что, для того чтобы автомобиль мог двигаться со скоростью 112 километров в час, воздух, поступающий в карбюратор этого автомобиля, должен всасываться со скоростью 400 километров в час.

...Что холодный сухой воздух в некоторых областях Арктики позволяет переговариваться нормальным голосом на очень далеком расстоянии; в этих областях шаги человека, идущего по снегу, слышны более чем за один километр.

...Что в стратосфере вследствие уменьшения плотности воздуха шестидесятиградусный мороз недостаточен для охлаждения моторов самолета.

...Что при работе радиостанции пропадает более 99% получаемой ею мощности вследствие поглощения в окружающих зданиях, телефонных и силовых проводах и т. д.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

Иногда в шахматных этюдах встречается следующая оригинальная идея. Две белые пешки угрожают пройти в ферзи. Однако они задерживаются двумя черными фигурами, линии действия которых пересекаются на одном из полей шахматной доски.

Если белая фигура встанет на это критическое поле, то чем бы ее черные ни взяли, они перекрывают линию действия другой фигуры.

Эта тема перекрытия носит название темы Плахутты (австрийского проблемиста), впервые открытой им в 1858 году.

Яркую иллюстрацию ее дает следующий этюд заслуженного деятеля искусств Троицкого:

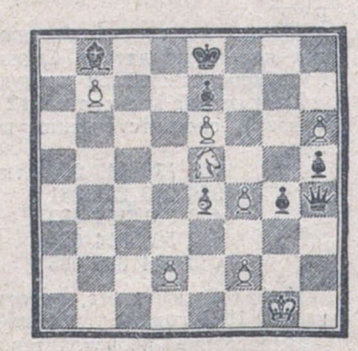
Белые: Крg1, Ke5 пп. b7, d2, e6, f2, f4, h6 (8).

Черные: Кре8, Фh4, Сb8 пп. e4, e7, g4, h5 (7).

Белые начинают и выигрывают.

Решение этюда следующее:

1. h6 — h7



Фh4 — f6

Плохо 1... Крd8 2. h8Ф + Крc7 3. Фc8+, и белые быстро матуют неприятельского короля.

2. Ke5 — d7

Фf6 — a1 +

Иначе, после проигрыша слона, одну из двух белых пешек b7 и h7 не удержать. Например: 2... Фd4 3. K : b8 g3 4. h8Ф + Ф : h8 5. Кc6 и выигрывают.

3. Крg1 — g2

Сb8 : f4

Белую пешку необходимо взять, ибо после какого-либо другого отступления слона, например: 3... Cd6, белые, опираясь на нее, перекроют диагональ ферзя 4. Ke5 С : e5 5. f : e Ф : e5 6. b8Ф + и 7. h8Ф +

Теперь обе белые пешки задержаны: одна слоном, другая ферзем. Но после следующего хода конем на критическое поле.

4. Kd7 — e5!

. . . .

Белые пешки неудержимы. Если 4... С : e5, то 5. h8Ф + С : h8 6. b8Ф мат, если 4... Ф : e5, то 5. b8Ф + Ф : b8 6. h8Ф мат.

Даем пример для самостоятельного решения.

Белые: Крb3, Сh5 пп. a5, b2, c3, d3, d6, f6 (8).

Черные: Крd8 пп. b4, d4, d7, f2, h3 (6).

Белые начинают и выигрывают.

Вся трудность решения этого этюда в том, чтобы определить правильный порядок продвижения белых и черных пешек.

После правильной игры с обеих сторон создается позиция, в которой решает маневр с перекрытием Плахутты.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

ОТ ДОСКИ ДО ДОСКИ

Мы поймем, почему мы говорим «прочел книгу от доски до доски», если вспомним, что в старину переплеты книг делали из дерева и иногда доски обтягивали кожей. Прочесть от доски до доски — прочесть от переплета до переплета, от первой до последней страницы.

———

ЖИВОПИСЕЦ

Почему «живо»? Разве картины пишутся «живо», то есть быстро? Или обязательно «живо» в смысле с воодушевлением? Здесь «живо» произошло от церковно-славянского «живот» — жизнь. О «животописцах» упоминает еще Кормчая книга. От слова «живот»—жизнь — и наши слова «животное», «живность».

———

ВОКЗАЛ

«Вокзал»—слово английское, но только у нас оно означает станцию железных дорог (в последнее время мы говорим уже и о речных вокзалах). Название «вокзал» принадлежало одному из предместий Лондона, обращенному в парк для гуляний, где играл оркестр. После постройки первой русской железной дороги—в Павловске, в помещении станции, устраивались концерты и гулянья, названные по английскому образцу вокзалом. Новое, незнакомое народу слово было воспринято как название здания железнодорожной станции.

———

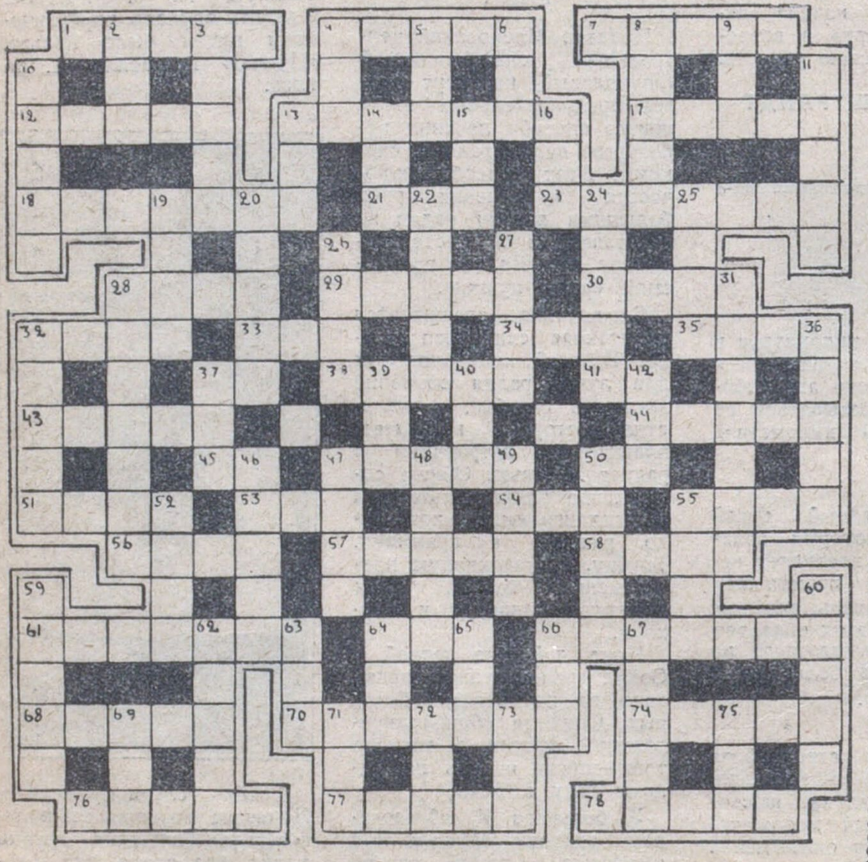
ДИПЛОМАТ

В древней Греции при отправке послов из одной общины или города-государства в другой выдавалась инструкция, написанная на сложенных вдвое листах. По-гречески сложенный вдвое лист назывался «диплома». Те, которые получили диплому, были дипломатами. От дипломы же и наше слово «диплом»

И. УРАЗОВ

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» А. Шлыкович



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Торжественный смотр войск. 4. Киргизский народный эпос. 7. Холодное оружие. 12. Задор, горячность. 13. Штат в США. 17. Принадлежность сцены. 18. Уборка трав. 19. Число. 23. Предмет домашнего обихода. 28. Степень быстроты. 29. Административно - территориальная единица в СССР. 30. Часть корабля. 32. Минерал. 33. Город на Сахалине. 34. Древнеперсидский царь. 35. Название оперы. 37. Мера земли. 38. Сосуд. 41. Буква французского алфавита. 43. Приток реки Куры. 44. Тесто, заправленное дрожжами. 45. Нота. 47. Венгерский пролетарский писатель. 50. Приток Камы. 51. Архитектурное сооружение. 53. Число. 54. Злак. 55. Мощь. 56. Душевное расстройство. 57. Титул в Индии. 58. Спортивная дорожка. 61. Лицо, удостоенное высшей премии. 64. Действие. 66. Цирковой артист. 68. Гастрольная поездка. 70. Архитектурное сооружение. 74. Танец. 76. Колебание стенки артерий. 77. Памятник древности. 78. Немецкий композитор.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

2. Птица. 3. Пионерский лагерь в Крыму. 4. Автор «Утопии». 5. Сторона предмета. 6. Приток Вислы. 8. Взрывчатое вещество. 9. Гул голосов. 10. Место хранения денег. 11. Остров в Италии. 13. Название кинотеатра в Москве. 14. Река в Индии. 15. Вид поэтического произведения. 16. Теннисный термин. 19. Город в СССР. 20. Отражение нападения. 22. Вооруженная борьба между государствами. 24. Ароматическое вещество. 25. Краска. 26. Лестница на корабле. 27. Героиня фильма «Чапаев». 28. Повозка на Украине. 31. Океанский пароход-гигант, потонувший вследствие столкновения с айсбергом. 32. Стадо овец. 36. Тропическое растение. 37. Древнеримская монета. 39. Дерево. 40. Москательный товар. 42. Болезненное состояние. 46. Мельчайшая частица горящего вещества. 47. Пояс. 48. Липовая кора. 49. Повозка на Востоке. 50. Начало реки. 52. Река в СССР. 53. Населенный пункт. 59. Прямоугольный обтесанный камень. 60. Военный сигнал. 62. Охотник. 63. Удобрение. 64. Горное селение. 65. Частокол. 66. Восклицание. 67. Часть электромотора. 69. Советский кинорежиссер. 71. Насекомое. 72. Общесоюзный стандарт. 73. Конец реи. 75. Город на Аляске.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 13 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Кулон. 3. Тверь. 6. Каток. 11. Батарея. 13. Среда. 14. Ватикан. 18. По. 19. Опера. 20. Сулла. 21. Ар. 23. Шатун. 26. Канат. 29. Силок. 32. Гранит. 33. Резеда. 36. Афины. 39. Синоп. 40. Нарты. 41. Редут. 42. Помпа. 43. Очерк. 46. Озеро. 47. Тулон. 48. Вереск. 49. Иволга. 51. Абрек. 53. Катод. 58. Ангар. 61. Ра. 62. Измир. 64. Билет. 65. Ом. 67. Караван. 69. Осина. 70. Аксиома. 72. Неман. 73. Окунь. 74. Прага.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Кабан. 2. Лот. 4. Верба. 5. Редис. 7. Ток. 8. Канал. 9. Бетон. 10. Барак. 12. Азот. 15. Иран. 16. Лен. 17. Или. 18. Пар. 22. Рак. 24. Укроп. 25. Алжир. 27. Алдан. 28. Антверпен. 29. Статуэтка. 30. Крыжовник. 31. Узурпатор. 34. Исток. 35. Анкер. 37. Артек. 38. Выгон. 44. Крезо. 45. Флора. 46. Орган. 50. Вар. 52. Гам. 54. Тара. 55. Диван. 56. Яма. 57. Ель. 58. Атака. 59. Гоби. 60. Локон. 63. Русак. 64. Банан. 66. Клава. 68. Рим. 71. Оса.

Ответственный редактор ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-31-69. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

А38034. 3 п. л. Зн. в п. л. 105 000. Подписано к печати 13/V—41 г. Изд. № 541. Зак. 1523. Тираж 300 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 50 коп.


Приобретайте путевки
на горные курорты
ОБИЛИЕ СОЛНЦА, ЧИСТЫЙ, ОЗОНИРОВАННЫЙ ВОЗДУХ, ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ВИДЫ ГОРНОЙ ПРИРОДЫ и ПОЛНОЦЕННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ВСТРЕТЯТ ПРИЕХАВШИЕ НА КУРОРТЫ ТЕБЕРДА, НАЛЬЧИК и ЭЛЬБРУС.
КУРОРТ НАЛЬЧИК
расположен в цветущей долине. Показан для переутомленных, нервных больных, сердечно-сосудистых, ревматиков, больных, страдающих бронхиальной астмой и заболеваниями легких нетуберкулезного характера.
КУРОРТ ТЕБЕРДА
можно назвать уголком Швейцарии. Это прекрасная здравница для больных легочным туберкулезом, особенно ценная в летний и зимний периоды.
КЛИНИКА ЭЛЬБРУС —
сочетание прекрасного горного климата с мощными источниками Нарзана. Один из красивейших уголков Кавказа. Показан для гипертоников, больных бронхиальной астмой и расстройствами функции щитовидной железы.
В МОСКВЕ ПРОДАЖА ПУТЕВОК
производится ежедневно и по воскресным дням во Всесоюзной курортной конторе:
Москва, Крымская площ., Большой Чудов пер., д. № 8. Телефон для справок Г 6-49-96.
Общий вид курорта „Теберда" летом.
ПУТЕВКИ
МОЖНО ПРИОБРЕСТИ
В РАССРОЧКУ
во всех краевых, областных и республиканских курортных конторах.
ДЛЯ ПОКУПКИ ПУТЕВКИ
необходимо представить заключение санаторно-курортной отборочной комиссии.
Живущие в сельских местностях должны представить заключение врачей близлежащей участковой больницы.
Нальчикский парк
Трек
Эльбрус и ледник Терскол